

Наталия Мазова

Исповедь травы

Наталия Михайловна Мазова
Исповедь травы
Серия «Магистр», книга 3

текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=171648

Аннотация

Она идет из мира в мир, сражается с врагами, приходит на помощь незнакомым людям, теряет тех, кого любит... Она – существо огня, и этим сказано все.

Содержание

ЧТО-ТО ВРОДЕ ПРОЛОГА...	4
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. СТУПЕНИ К ИНИЦИАЦИИ	18
Катрен I. ВО ДВОРЦЕ ОПЯТЬ ИЗМЕНА...	23
Катрен II. МОЙ БЕЗ ПАМЯТИ ЛЮБИМЫЙ ГОРОД	70
Конец ознакомительного фрагмента.	134

Наталия Мазова

Исповедь травы

*Та, кто дарит надежду,
Совсем не похожа на небо —
Другая,
Глупая, но настоящая,
сумасшедшая,
Та, кто ведет меня —
В каждой из вас...
Пол Открыватель Пути*

*Был бродягой Господь – я хочу на него
Быть хоть в этом похожим...
Лариса Бочарова*

*Здесь пели, там пили, тут проповедовали...
(она же)*

ЧТО-ТО ВРОДЕ ПРОЛОГА...

1

...Она пришла в себя уже в коридоре. Все та же молоденькая медсестра с выражением профессиональной скуки

на накрашенном лице похлопывала ее по щекам.

– Ну все ужасе, нечего, нечего, – приговаривала она, даже не пытаясь изобразить сочувствие. – А рожать как будешь? Еще больше...

Она попыталась сесть. Получилось с трудом.

– Не ваше дело, – отчеканила она прямо в лицо медсестричке. – Если буду... У вас-то с этим никаких проблем нет – сколько вам можно, двоих или троих?

– Да как ты смеешь!.. Девчонка, соплячка...

Скрипнула дверь, из кабинета как-то бочком выбралась мать. Черты ее правильного лица словно присыпала пыль безнадежности.

– Одевайся, горе мое, – только и сказала она дочери, и та сразу поняла: шансов нет. Истаяла последняя надежда, и через год ее ждет неизбежная Операция.

Всю дорогу домой мать молчала. Она тоже молчала. Режущая боль между ногами была нестерпимой, но она уже привыкла к тому, что не заслуживает жалости. Очень хотелось плакать, она сама не понимала, что заставляет ее сдерживаться.

Уже в лифте мать повернулась к ней и бросила звенящим от слез голосом:

– Только попробуй теперь не кончить школу с медалью! Не поступишь в институт – отец тебя кормить не станет, можешь мне поверить!

Отец...

Дома она, дождавшись, пока мать скроется на кухне, а сестренки рассядутся перед телевизором смотреть очередной сериал, тихонько извлекла из стола, из-под груды старых писем и заранее заготовленных открыток, старую фотографию.

У припорошенного снегом парапета древней Плескавской крепости стоял, полуобернувшись к ней, молодой человек с сильно выющимися волосами цвета меда, с неуловимой смешинкой в прищуренных золотых глазах. Голубая спортивная куртка, на шее цветной платок – так одевались лет пятнадцать тому назад... Мать прятала от отца эту фотографию – и не без оснований.

Отец... Кто ты и где ты, Лазор Угнелис, МОЙ настоящий отец? Меньше месяца длился этот головокружительный роман ее матери – ровно столько, на сколько была путевка в Гинтару. А через восемь месяцев, аккурат в день ее появления на свет, пришла телеграмма: «АВЕ МАРИЛЛИЯ ДЕВОЧКУ НАЗОВИ ЛИНДОЙ».

Откуда он знал, что это будет она, а не сын? Как угадал точный день – день святой Элеонор, хранительницы Гинтары?

В любом случае, папочка, кто бы ты ни был, хоть демон-хвост из козурийской сказки – но отсутствие твоего генотипа в окружной поликлинике поломало твоей дочери всю жизнь. И так-то, как дочери неизвестного отца – не больше одного ребенка. А прибавить сюда телосложение – роди-

лась-то на месяц раньше срока, вот всю жизнь и не хватало десяти процентов до минимальной нормы веса – да еще и болевой порог пониженный...

Никто и никогда не возьмет ее замуж. Кому нужна женищина, не способная дать жизнь детям?!

Из комнаты донесся дружный смех сестренки. Вот уж у кого не будет подобных проблем – все три прекрасные руганские телочки, спортивные, с хорошей родословной и звучными кличками, взятыми все из тех же сериалов: Маэстина, Дзидра, Альдона... Леопольд Ковенски великолепно делает все, за что ни возьмется, в том числе и дочерей.

Другое дело – она, старшая. Угнела. Ни лыжи, ни велосипед, ни даже танцевальная студия... И кому нужна теперь ее хваленая красота, единственное, кроме имени, отцово наследство? Красота, уже год как ставшая несомненной и обещавшая развернуться в нечто большее...

А впрочем, известно, кому. Красивая женищина, любовь с которой не оставляет последствий...

За окном темнело. Она взяла со стола зеленую свечку в форме белки, символа этого года. Оглядываясь на дверь, коснулась пальцами фитиля – и тут же над свечкой вспыхнуло маленькое дрожащее пламя.

Угнела! Она гордилась этим и тем, что внешнеостью удалась в своего непонятного отца. И ни за что и никогда не променяла бы его имя на респектабельно звучащую фамилию Ковенска.

Она полезла на стул, желая поставить свечу повыше – и снова резанула острая боль между ног.

– Ненавижу! – иступленно воскликнула она, стоя на стуле и держа свечу в вытянутой руке. – Ненавижу этот гребаный Ругиланд! И президента Виторию ненавижу с ее проклятой программой сохранения генофонда! И все это благополучное семейство Ковенски тоже ненавижу! И ящик ваш с идиотскими сериалами, и институт, и вообще химию нашу наследственную, и весь этот мир!!! Господи, если ты действительно есть, скажи – неужели нигде в мироздании нет места, где я смогу жить так, как я, а не как надо им?! Хочу туда! Хочу!

(Тогда она еще очень легко бросалась этим словом – «ненавижу», ибо было ей лишь неполных семнадцать лет. Всем нам в этом счастливом возрасте хотелось умереть как можно более красиво и посмотреть, как наши близкие будут плакать над нашим гробом...)

Она резко дернула вниз руку со свечой – и вдруг замерла ошеломленно, глядя расширившимися глазами на повисшую перед ней в воздухе... трудно сказать, что это было. Словно комната, тонущая в полумраке, была всего лишь изображением на холсте, но кто-то полоснул по холсту ножом, и в разрезе проглянуло небо, сияние дня...

– Что это? – выговорила она растерянно. И словно отвечая на этот вопрос, перед ее мысленным взором нарисовалась картинка: лес, поляна у ручья, над которым скло-

нились рябины с едва начавшими желтеть ягодами... а на траве у ручья сидит маленькая девочка с глазами в поллица и играет на флейте печальную песенку.

Она поставила свечу на стол. Еще раз оглянулась на дверь. «Лживая, коварная змея! Знай же – он мой и только мой!» – донесся истеричный женский вопль телевизора. Светлый разрез дрогнул, словно испугавшись, но никуда не делся, наоборот – вроде бы стал еще шире. Ей показалось, что туда можно протиснуться...

Она протянула руку к полке, сняла оттуда заветную тетрадку, на обложке которой большими корявыми буквами было нацарапано: «МОИ СТИХИ. XII-XII!» Вырвала последний чистый лист и торопливо вывела на нем: «Мама, я пошла погулять, постараюсь вернуться к ужину». Еще секунду помедлила, затем засунула тетрадь за ремень штанов, зажмурилась... и шагнула со стула.

Она не знала, что большие НИКОГДА не вернется в эту комнату, в которой после ее ухода ничего не изменилось. Вот только свеча погасла сразу же, как только за ушедшей по закону Истока затянулся разрыв ткани мироздания.

2

Стражи на лестнице, ведущей в Башню Теней, нервно поглядывали на восток – оттуда на Город надвигалась дождевая туча, а над лестницей не было ни навеса, ни магиче-

ского щита. Не очень-то весело стоять в карауле, когда на тебя обрушиваются холодные потоки дождя, за две минуты выпивающие тепло тела...

Порыв ветра закрутил на асфальте высохшие чешуйки тополиных почек и хлестнул непонятно откуда взявшимся песком по щеке Дэлва.

— Пойдем, что ли, внутрь, — бросил он Гиару. — В конце-то концов, мы не почетный караул, а Стражи, встречающие гостей. А какие гости могут быть в дождь...

— Погодим еще, — отозвался Гиар. — Хлынет, тогда и спрячемся. Откуда ты знаешь, может, кто-то из них движется сюда за Именем, — он повел плечом в сторону нескольких торопящихся куда-то прохожих. — Например, она.

Гиар, как всегда, не ошибся. Девчонка лет восемнадцати, что на ходу откусывала попеременно от двух порций мороженого разных сортов, остановилась на нижней ступеньке лестницы, с вызовом глядя на Стражей. Ветер трепал за ее плечами плащ цвета ржавчины, который очень хотелось назвать занавеской.

— Это сюда надо входить за Истинным Именем? — неловко осведомилась она у Дэлва. Вид у нее при этом был наглый.

— Сюда, — ответил тот мрачно. Его раздражали розовые капли тающего мороженого, которые девчонка роняла на ступени лестницы и на свои башмаки, раздражали эти ее башмаки, не чищенные, вероятно, с момента покупки. —

Только, ради всего святого, сначала доешь, а потом входи!

С той же удивительной смесью неловкости и наглости она уселась на ступеньку лестницы и принялась спешно долизывать свое мороженое.

– Что, очередной притон разогнали? – ядовито осведомился Гиар, глядя на нее.

– Хы о хем? – отозвалась та с полным ртом.

– Ну это ваше пристанище свободных странников, не желающих регистрироваться в Кругу Света, – пояснил Гиар. – Для новенькой ты слишком много выпендриваешься.

– Не понимаю, о чем ты, – девчонке наконец-то удалось проглотить то, что мешало ей говорить. – Я из ведьминской школы, меня наша Пэгги сюда пинками погнала. Впрочем, я и не противилась. Надо, значит, надо.

– Ну это еще ничего, – вздохнул Гиар. – Ладно, Цель ясна, Имени пока считай что нет, а вот Суть назови.

– Суть?

– Имеется в виду мир, из которого ты пришла.

– Одна из Сутей Города. Вы называете ее Тихая Пристань.

– Знак Тельца... – задумчиво протянул Дэлв. – Тогда понятно, откуда ты взялась такая... непричесанная. Не так уж часто к нам заносит людей оттуда...

– Редкая птица долетит до середины Реки, если она от истока летит, – девчонка покончила с мороженым и принялась облизывать свои тонкие пальцы.

– Если она летит по Закону Истока, – уточнил Дэлв. – Иди, регистрируйся, ведьма, – и уже в спину ей, взбегающей по лестнице: – Между прочим, серебряная помада тебе совсем не идет. У тебя ведь волосы с золотинкой...

Обернувшись, девчонка показала ему язык.

Зал был погружен в полумрак. Только в уголке желтела небольшая лампочка над столом, за которым сидела маленькая некрасивая женищина в строгом лиловом одеянии. На столе лежала громадная раскрытая книга в деревянном переплете с золотыми застешками. Рядом из чернильницы торчало перо неопознанной, но судя по всему, очень красивой птицы.

А в центре зала на полу лежал круг света. Круг Света, падающего непонятно откуда – сколько ни задирай голову, не увидишь его источника, нет там ни прожектора, ни окна в потолке.

Мистика... Как и все здесь.

Девушка в плаще цвета ржавчины остановилась у самой границы света и тени, с немым восхищением оглядывая пространство зала. Казалось, она вот-вот взлетит под потолок, туда, где уже кружил беспокойно ее неискушенный взгляд.

– Подойди сюда, – раздался за ее спиной голос женищины в лиловом. Девушка поспешно повиновалась.

– Меня зовут Ударда, я Хранительница Круга, – важно

представилась маленькая женщина. — А как зовут тебя?

— Зовут Эленд, — тихо ответила девушка. — Паспортное имя — Линда-Элеонор Угнела, но паспорт не из этой Суты.

— Понятное дело. Откуда родом?

— Суть Тихая Пристань, версия Города, именуемая Дверис — столица Ругиланда.

— Точный срок, который ты уже мотаешься по мирам?

— Одиннадцать месяцев. За это время домой не возвращалась ни разу.

— Многовато, прямо скажем, для автономного странствия... У тебя что, есть какой-нибудь покровитель в Сутях?

— Да, Маргарита, княгиня Эсхарская, глава так называемой валлийской школы ведьм... А зачем вы все это спрашиваете, вы же ничего не записываете в книгу!

— Твой приход означен в небесах, — непонятно ответила Ударда. — Перед тем, как войдешь в Круг, советую оставить снаружи те вещи, о потере которых ты пожалеешь — ибо Круг переделает тебя по Изначальному Замыслу, и ничто не уцелеет в зеркальном водовороте.

— У меня вроде ничего такого нет, разве что пояс с деньгами... — девушка растянула упомянутую вещь и осторожно положила на книгу. — Ничего, если он тут полежит, пока я...

— Пусть лежит. Иди.

На мгновение она замерла у границы светового пятна,

тронул его носком башмака. Ничего не случилось, но появилось странное ощущение яркого света и сильного ветра, бьющего в лицо. Протянула руку – пальцы словно налились серебром – и лишь тогда посмела ступить на освещенное пространство. Ярко вспыхнула в луче ее тонкая фигурка, освещенная со всех сторон – но черный зрачок тени не перерезал радужку Круга Света. В этот миг она показалась Ударде стоящей на ладони Того, Кто сотворил свет и все мироздание, как бы его (или ее?) ни звали. Медленно, как на странной сцене, она опустилась на одно колено в центре Круга...

А потом...

Она подняла голову. Зала не было. Вместо этого вокруг нее плясал поток каких-то странных образов, словно она очутилась в зеркальном вращающемся колодце. Что-то неуловимо проносилось в окружающем ее изогнутом зеркале, и ей казалось, что она все видит и понимает, но только – вот беда! – нет в человеческом языке таких слов и понятий, чтобы адекватно об этом рассказать. Странные образы рождались в ее мозгу и тут же исчезали, как будто волны смывали их с кромки прибоя.

Случайно опустив глаза вниз, она увидела, что стоит на ковре из опавшей осенней листвы. Откуда, ведь сейчас май? Она опустила руки, желая коснуться этих странных листьев и убедиться, что они не иллюзия, не световой эффект. Почему-то это было очень важно.

И тогда зеркальная пляска-бред прекратилась так же внезапно, как и началась. Она увидела свое отражение... Свое?

Молодая женщина в зеркале была как минимум на шесть-семь лет старше стоящей в кругу, если вообще можно было говорить о ее возрасте. Темные волосы, стекающие ей на плечи, отливали сразу золотом и медью, а изумрудные глаза были ярче камней в головной повязке. Одета она была в темно-зеленое платье причудливого покроя, расшитое осенней листвой всех цветов по краям подола и выреза на груди. Тонкая, терпкая красота ее была подобна осенней горчице, запаху хризантем, вкусу изысканного вина... И та, что стояла и смотрела на это видение, поняла, что видит в ее лице свое собственное, но куда более изящно отделанное – всю свою жизнь она подсознательно хотела быть именно такой, но не знала, как. Она робко улыбнулась – и та, в зеркале, улыбнулась ей в ответ задорно и лукаво.

Осмелев, она волной подняла руки, повела плечами, изогнула тело в танцевальном движении – и прекрасное отражение с готовностью повторило то же самое, радостно сверкая глазами. Тогда она протянула руки вперед – и поняла, что не видит их. Невидимые руки коснулись зеркала... прошли сквозь него... и вот это уже ее руки... мои руки в зеленых рукавах, перетянутые у запястий тонкими золотыми цепочками.

«Кто ты?»

«Я – это ты.»

«А кто я? Как меня зовут? Кто я такая?»

«Эленд!» – заметался меж зеркал звон колокольчика.

«Эленд... Элен-дис, Элен-дис Ар-гиноль...» Мое Имя – Элендис Аргиноль, Эленд Крапива.

Улыбка из зеркала – золотой отсвет августовского заката. В ней непривычная, бешено веселая, бесстрашная сила: ну же!..

ДА – ЭТО Я...

И Она шагнула в меня... я шагнула прямо в стекло, в свою полноту, желая обрести ее отныне и вовеки, и вот это медное и зеленое уже не отражение, а я, я сама, с язычками зеленого пламени, вспыхнувшими на миг у меня над бровями...

«Не сейчас», – громко сказал где-то во мне внутренний голос. «Ты станешь ею, но до этого еще надо дожить. Только жизненный опыт увенчает тебя этой пламенной короной, а пока...»

А пока я стою за пределами Круга Света, та же, что пришла сюда с недоеденным мороженым, и бесконечно иная, словно ступила в Круг рисунком на стене, а вышла из него трехмерной и живой. И снова на мне совсем другие одежды – бледно-зеленые, светящиеся...

Я поворачиваюсь к столику с книгой и вижу вышедшую из-за него Ударду, чьи глаза как-то странно блестят в полумраке. Сейчас видно, что она сильно припадает на левый бок, словно одна нога у нее короче другой. И я угадываю по

ее лицу, что она и сейчас видит на моей голове ту корону из зеленого пламени.

– Держи, – она с поклоном подает мне мой старый пояс с деньгами. – Теперь ты можешь назвать мне свое Имя.

– Мое Имя – Элендис Аргиноль, – говорю я и слышу, как изменился мой голос, как чисто и свободно он звучит...

Когда я выхожу на улицу, первые капли дождя как раз целуют разгоряченный асфальт. Те Стражи, что дразнили меня у входа, уже успели переместиться на верхнюю ступеньку лестницы, под крышу, но стоят все в той же торжественной стойке. Как только я оказываюсь между них, оба вскидывают мечи, салютуя мне. А я так переполнена торжеством – свершилось! – что принимаю это как должное.

Мое Имя – Элендис Аргиноль!..

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

СТУПЕНИ К ИНИЦИАЦИИ

*Молчи, когда звучат мои Слова
И платье вьется по ветру, как знамя,
Но после – губы отъищи губами
И дай забыть, что снова не права!
Трава и пламя. Пламя и трава...*

...иногда, в такие минуты, как сейчас, я остро ощущаю всю невероятность той жизни, которой живу, и поневоле закрадывается мысль, что, может быть, и не было ничего подобного, просто все это придумала от тоски некрасивая молодая женщина сильно за двадцать, каждый день убивающая жизнь на идиотской работе, которая непонятно кому и зачем нужна, просто обобщенная «работа», никакого отношения не имеющая к когда-то полученному высшему образованию, и образование это тоже никому не нужно – ни ей, ни ее поклонникам, которые сменяются со скоростью времен года и упорно не желают становиться мужьями, и если бы не эта придумка, то жизнь было бы катастрофически нечем заполнить, потому что уже и так каждое утро при пробуждении хочется задать вопрос – а зачем я вообще проснулась, а больше ничего не хочется, только заснуть и больше никогда, никогда, никогда не просыпаться, остаться в придуман-

ном мире; впрочем, нет, такие женщины придумывают совсем другое, даже если настолько умны, чтобы не удовлетворяться дешевым счастьем из сериалов, они воображают себя прекрасными королевами или, если хочется перчику, то куртизанками, и дальше все по схеме – наряды, поклонники, звон шпаг и прочие прелести, вычитанные из псевдоисторического чтива, и обязательно высокий брюнет с серыми глазами и графским титулом, куда ж без графского титула, и влюбленный, как водится, по уши... знаю, знаю... а на меня у нее бы фантазии не хватило, да и кому нужна такая фантазия, когда, невзирая на всю фееричность жизни, все равно приходится где-то доставать деньги на кусок хлеба с сыром и новые туфли, потому что никакое мое так называемое могущество не освобождает от подчинения элементарным жизненным законам, да и как объяснить этим простым смертным, что никакая я не Владычица Огня, я просто огонь, принявший форму женщины, чтобы мыслить и осознанно действовать, и называть меня Владычицей Огня так же смешно, как человека как вид – царем природы, все равно я простая женщина, хоть и огонь, но этому огню тоже надо есть, пить, спать, отдыхать, любить и быть любимым... Слово-то какое – «информация», весомо так звучит, сразу и научно и мистически, но вот как объяснить ее людям, не знающим, что такое причастность всему сущему и в особенности некоторым его аспектам, а ведь это так просто, и дело даже не во мне, у каждого из вас есть своя стихия, с которой он связан, и до-

говориться с ней очень просто, надо только захотеть – и тогда любой, как я, зажжет огонь прикосновением, или пойдет по воде, как Тин, или, как Тали, полетит невысоко над землей, задевая ногами сохнувшие травы лета... каждому свое, просто не надо желать чужого, а надо лишь верить в себя и в то, что ты любим мирозданием... ну да, это уже никаким местом не женский роман, а просто роман... тика – звездные ночи, холодные росы, колдовские травы, сталь меча, верный конь, костер во мраке, что там еще... самое смешное, что и это придумывают все те же задолбанные бытием женщины, проносят, как сокровище, с подросткового возраста через всю жизнь, а большую часть этой жизни сидят дома и знать не знают, какой проблемой в этих условиях является самая минимальная гигиена и как звереешь от ее отсутствия, и как на самом деле холодно спать, завернувшись в плащ, а уж надолго оказаться в безлесном и безводном месте – вообще не приведи Единая... в общем, лучше Нодди не скажешь: *какие там русалки, Бог ты мой, тебя ждут только тухлые селетки!* – но даже это не главное, а главное то, что я выросла в мире, где и слова-то такого не знают – романтика, все эти мечи с травами, черное с зеленым и серебряным, я со всем этим впервые столкнулась лишь в семнадцать лет, и главным для меня все это так и не стало, потому что для меня нет ничего важнее людей и Слова с Ритмом, нет, никакой я не романтик, я реалист... в штатском, как любит говорить Йерг, так что если уж на то пошло, то женский роман для

меня по большому счету даже органичнее, тем более что все действующие лица во главе со мной вполне по канону жанра красивы и несчастны, и не надо прикрывать рукой зевок, ибо чем больше человеку надо для счастья, тем труднее ему это получить, а что касается красоты, то почти все мы – мотальцы, и при наших-то способностях к играм с внешностью привлекательным не выглядит только тот, кому это абсолютно по сараю, а это почти никому не по сараю, потому что в местах незнаемых лучше быть привлекательным и информированным, чем отталкивающим и несведущим, вот последнему как раз лучше сидеть дома и воображать звезды, лес и графьев-любовников, не пытаясь воплотить мечту в жизнь и не усложняя бытия ближним своим... либо меняться к лучшему, ибо участь нищих духом – покорно ждать обещанного царствия небесного, а участь тех, кто духом богат – приближать его приход в меру своих сил и испорченности... да нет, это я не про себя, а про вас – да, ПРО ВАС! Что, все еще не верите?

Тогда... тогда представьте себе вокзал в каком-нибудь городе типа Кагады – сто тысяч жителей, но при этом большая узловая станция. Представьте его себе где-то между двумя ночи и пятью утра – недолгое время, когда там чисто и покойно; народ, тревожно спящий на широких деревянных лавках в ожидании поезда; сами поезда из сопредельных стран, о прибытии которых объявляют на трех языках и чей цвет лишь угадывается в неверном свете фонарей... в

такой обстановке только пень бесчувственный не ощутит себя мотальцем хотя бы на миг. И еще представьте себе ночной бар на этом вокзале, практически пустой – двое-трое мелких «хозяев жизни», да и те полусонные, – но искрящий цветомузыкой в такт чему-нибудь типа «Королевы-бродяжки» или «Цыганки и разбойника». И вот когда в полусне для вас не останется ничего, кроме этой песни, и возникнет острое и пряное желание ступить под эти сполохи и закружиться, обнимая чью-то талию... Вот тогда знайте: я уже иду! Я уже с вами, я положила руку вам на плечо, обернитесь – и встретитесь со мной взглядом! Вот я – Танцующее Пламя, и я к вашим услугам, я готова не умолкать до утра, если вы попросите...

Что, вы хотите с самого начала? Как говорила одна преподавательница в Авиллонской Академии культур – «ждешь, что студент начнет с места в карьер, а он вместо этого начинает излагать от Рождества Господня...» А вам, значит, именно оттуда и надо... Тогда придется начать очень издавна – как меня угораздило при Флетчере оказаться. Дивная во всех отношениях история...

Катрен I. ВО ДВОРЦЕ ОПЯТЬ ИЗМЕНА...

– Хэй, Эленд, Эленд! Беги к нам, леди Эленд!

Голоса девушек звенят, как серебряные колокольчики... нет, как тысяча маленьких льдинок, на которые рассыпаются сорвавшиеся с крыш сосульки. И в радостной тишине весеннего утра, под шум талой воды, стремительно несущейся вниз по узким улочкам к Великой Реке, они вселяют в мою душу ощущение восхитительного праздника.

– Беги к нам! Или ты боишься?

Я стою над обрывом и смотрю вниз, на Хальдри, Эймо и обеих Лейри – они, наперегонки с талой водой, уже сбегали вниз по крутому склону. Их легкие яркие платья и плащи сказочными цветами выделяются на сером тающем снегу. По большому счету, еще холодновато для подобных нарядов, но девушки бегают, гоняются друг за другом и совсем не замечают холода – а я, хоть старше их всех, от них не отстаю.

– Что-о? Это чей там вражий голос утверждает, что я боюсь? Твой, Лейримэл? Смотри и не говори, что не видела!

Шаг назад – я моментально прикидываю расстояние и с силой отталкиваюсь от обрыва. Плащ за моими плечами резко и сильно взметнулся – словно раскрылись крылья – но я уже приземлилась в осевший сугроб, увязнув в нем по колени. Мокрый снег доверху набился в мои сапоги, я безуспешно

но пытаюсь его вытряхнуть... Да черт с ним – мне сейчас весело и хорошо.

– Вот это да! – девушки обступают меня. – Как ты ловко: раз – и здесь!

– Я бы никогда на такое не решилась! – У принцессы Лейрии, самой младшей, глазенки горят от восхищения. – А теперь куда?

– А теперь вдоль реки, – это Хальдри, она возглавляет нас. – Пройдемся по Старому городу и вернемся во дворец по лестнице королевы Биарры.

Внизу, у воды – синеватая тень и свежесть утра. Высокий обрыв закрывает от нас солнце, и каждый наш шаг сопровождается перезвоном льдинок. Великая Река лениво движется в ту же сторону, что и мы – цвета стали и как сталь, холодная. Вода в ней уже начала прибывать, еще дня четыре такой же погоды, и Старый город станет недоступен для подобных прогулок. Вот мы и бродим здесь, пока еще можно.

Домам Старого, или, как его чаще зовут, Нижнего города лет по двести-триста. В те времена Великая река разливалась не так сильно, и эту часть Эстелина не затопляло даже в самое обильное половодье – но все течет, все меняется. В высокоразвитых Сутях это именуется – медленные колебания климата. Правда, те, кто некогда возводил Нижний город, об этом не знали или не задумывались, и все дома построены прочно, на века, из тесаного темно-серого камня здешних гор. Некоторые дома пострадали от войны (не от минувшей,

а еще от стародавней с каганом Куремских степей), и очень многие – от наводнений. Но кое-какие так и стоят нерушимо все эти годы – умели же строить предки, куда нам до них...

Весной в Старом городе всегда безлюдно. Тишину разрывают лишь наши оживленные голоса, яркие наряды девушек мелькают между домами – у Лейримэл платье желтое, у принцессы серебристое, а сверху накинуты одинаковые зеленые плащи. Хальдри тоже в зеленом, но потемнее и с золотой вышивкой, а в наряде Эймо сочетаются белый и малиновый. И лишь я сама – в своих неизменных черных шелках, торжественно-мрачная тень на этом цветном фоне...

К зеленому я и сама равнодушна, но что поделаешь – ничего другого у меня сейчас нет. Уже почти год я живу на тридцать-сорок фиолетовых в месяц, слава богам, что мадам Гру из жалости хоть кормит меня бесплатно. А шелк этот мне достался совершенно случайно, и его даже на настоящее платье не хватило – только на длинную тунику с разрезами, что-то вроде сирийской одежды для верховой езды...

Ох, сколько каждый раз возни с этими тряпками! Всегда завидовала тем, кто может менять их, как и облик, простым усилием воли. Мне же, чтобы принять образ, соответствующий ситуации, надо долго смотреть в зеркало и напрягать фантазию, либо отдаваться на волю сил мироздания... а они всякий раз норовят вытащить на всеобщее обозрение мою богемно-ведьмовскую сущность. С этим уж ничего не поде-

лаешь – я по самой сути своей не аристократка, и любая утонченность всегда была объектом моей жесточайшей зависти. Но в полуоткрытых Сутях, таких, как здешний Мир Великой Реки, правильное всего выглядеть именно благородной леди – кроме всего прочего, ей куда реже, чем бродячей шарлатанке, приходится брать ноги в руки и развивать сверхзвуковую скорость. И хотя для меня и сейчас куда естественнее сливаться с простонародьем – играть знатную даму я, в конце концов, просто привыкла...

Вообще-то в Мире Великой Реки насмотрелись на всякую меня. Впервые я попала сюда в неполных семнадцать лет, еще до Круга Света – это была моя первая Суть после ухода из дому. Три месяца лорды-чародеи Рябинового Дола пытались учить меня прикладной магии, но почти без толку – единственное, что я схватывала почти мгновенно, была магия вербальная. А потом пришла весть о начале Войны Шести Королей, и я, все бросив, с немеряным энтузиазмом полезла в самую мясорубку. Маленькая была, глупая, да и кто из нас в этом возрасте не мечтал совершить подвиг? Так что Орсалл из Краснотравья до сих пор вспоминает лохматую девчонку в мятых штанах и рубашке, которая взхлеб читала кое-как сляпанные стихи с восточной башни осажденного Передола и больше всех удивилась, когда ее заклятья сработали...

Тому минуло уже четыре года. Я снова в мире, видевшем мое начало, но вернулась сюда уже иной – опытной, уверен-

ной в себе, повзрослевшей (по крайней мере, мне самой так кажется) – подданной всего Зодиакального Круга, чье истинное Имя в средоточии миров звучит как Элендис Аргиноль. Здесь же меня знают как леди Эленд из таинственного Рябинового Дола, талантливую чародейку. (И естественно, незаконную дочь одного из лордов Дола – иначе откуда бы у меня взялись моим способностям?)

А в Мире Великой Реки – второй год мира, и день окончания войны стал национальным праздником Каменогорья, главной державы-победительницы. Но сегодняшний праздник совсем особенный, ведь король Атхайн выдает замуж сестру свою, прекрасную принцессу Клематис... С чем я его и поздравляю от души. Одну из дочек погибшего дяди-короля сбыл с рук – так еще две остались, а там и родная сестрица Лейрия на подходе. А женихов на всех не напасешься – повыбили в войну...

Положение, э-э, как бы обязывает... Белобрысый головорез Орси теперь тоже лорд Орсалл, властитель Краснотравья, и в таком качестве первый кандидат на охмурение. Вот он и подговорил леди Эленд, единственную представительницу Рябинового Дола в этом благородном собрании, поиграть в его нареченную невесту и тем избавить его от общества принцесс Йоссамэл и Наинрин. (Это называется: «Мы же с тобой старые боевые лоси!») По такому поводу он даже выдал мне пару фамильных драгоценностей и не очень настаивает на их возврате.

А мне, собственно, что с того? Я сюда как пришла, так и уйду, и пусть мой боевой товарищ сам через полгода выкручивается перед молодым Атхайном. Впрочем, он хитер – наверняка ведь пустит слух, что лорды не дали санкции на мой брак с простым смертным...

Черт его знает, сколько ступеней в этой лестнице королевы Биарры! Лично я досчитала до двухсот шестидесяти и сбилась. Никак не могу отдышаться после подъема. Принцесса и три ее придворные дамы тоже устали, медленно идут ко дворцу, забывая подбирать подошвы, нарядные плащи волочатся за ними по лужам. Правда, наверху снег уже почти сошел, но все-таки...

Едва мы вошли во дворец, как на бедных девушек тут же набросилась какая-то дуэнья – ай-яй-яй, башмачки ни во что превратили, да и платья сушить придется, как так можно, вы же не дети уже, а взрослые женщины... (Для справки: Лейрии вот-вот будет семнадцать, остальные постарше, но двадцати еще нет ни одной.) Что до меня, то я бессовестно бросаю девчат на произвол судьбы – у самой в сапогах громко чавкает, надо спешно сушить их к вечеру.

Дворец владык Эстелина в эти дни больше всего похож на гостиницу во время наплыва постояльцев. Гости съехались со всего Речного Содружества – Краснотравье, Эрг-Лэя, Черные Пески, но больше всего народу из Долины Лилий – оттуда родом жених Клематис. То и дело оглядываюсь – нет

ли старых знакомых? И куда запропал мой дорогой лорд Орсалл, чтоб ему всю жизнь икалось – все мои вещи в его комнате!

На ковре, покрывающем лестницу, остаются мои мокрые следы. У распахнутого окна на втором этаже стоит и курит молодой рыцарь Долины Лилий, судя по белой тунике с гербом Дакворта. Но жители Долины обычно светлые, а у этого длинные черные вьющиеся волосы... он поворачивает голову, подтверждая мою догадку – Хэмбридж Флетчер, мекстрель и моталец, такая же сволочь праздношатающаяся, как и я сама! Здорово, черт возьми, встретить в таком месте доброго знакомого из Ордена! Ужасно хочется повиснуть у него на шее, но этикет не позволяет – вокруг полно местной знати. Приближаюсь к окну – он меня еще не заметил – и нарочито громко произношу, чуть склонив голову:

– Мой привет и поклон благородному Йоралину Даквортскому!

Он обернулся – легкая улыбка смущения на смуглом лице и неподдельная радость в глазах:

– Благодарю судьбу за неожиданную встречу, прекрасная Элэнд. Видеть тебя – счастье для любого смертного.

– Я прибыла сюда с Орсаллом из Краснотравья, – сразу же задаю я правила игры. – Не знаешь ли ты случайно, где он сейчас находится? Я ищу его уже целый час.

– Увы, моя госпожа, я еще не имел удовольствия видеться с лордом Орсаллом. Но могу предположить, что вместе

с другими гостями он сейчас осматривает новый форт Эсте-лина.

– Чтоб тебе ни дна ни покрывки! – это я уже еле слышно, в порыве раздражения. – Сам удрал, а я сиди до вечера в мокрых сапогах!

– Так пошли ко мне! – так же еле слышно отвечает Флетчер. – У меня и высушишь, а пока они сохнут, послушаешь Россиньоля, – и в полный голос, для всех: – Госпожа моя, почту за честь видеть тебя в своих покоях.

– Что ж, я принимаю твое приглашение, лорд Йоралин, – слова эти сопровождаются величественным наклоном головы, и мы с рыцарем Долины Лилий удаляемся рука об руку...

Вкусы у нас похожи, поэтому я и Флетчер часто отираемся в одних и тех же Сутях одновременно. За три года мы много узнали друг о друге, и я, пожалуй, равнодушна не только к Словам и песням этого мерзавца (он уже давно Мастер), но и к нему самому... У него поразительный дар: в новом месте он никогда не пытается что-то из себя изобразить, но полностью отдается на волю незнакомой Сути, вбирает ее в себя – и легко и просто принимает именно то обличье, какое надо, оставаясь при этом собой. Он мог бы стать своим в любом мире, в каком пожелал – не то что я, мне-то мои пределы ведомы очень хорошо...

Между прочим, и рыцарем Долины он стал абсолютно законным путем – сама Владычица Дигенна посвятила его после боя на Заросшем тракте. Давно не видала я его в этом

образе – в последний раз вроде бы в то утро на стенах Эрга, когда убили командора рыцарей Долины. И эта его белая туника тогда была вся в крови и копоты... до сих пор всем нам больно вспоминать, какой ценой удержали Эрг.

Но сегодня – совсем другое дело! Сегодня он выглядит на редкость эффектно, хотя скажи я это ему – прикончит на месте. Он не я, обличье лорда Йоралина естественно для него, как дыхание, но от этого не более любимо.

– Здесь еще можно жить, – Флетчер словно отзывается на мои мысли. – Здесь хотя бы знают, что такое табак.

– Однако мало кто из высокородных курит, – замечаю я.

– А, – он машет рукой, – после войны все перемешалось. А на той же Роардинэ, если помнишь такую дыру, я за четыре дня без сигарет чуть на стенку не залез.

– Да, закури ты там, от обвинения в черной магии уже не отвертелся бы!

– Слушай, а почему ты с Орсаллом? Вы же вроде никогда не были особенно близки...

– Использует меня в качестве щита от обаяния Йоссам-эл, – поясняю я кратко.

– Да, Йоссамэл – это нечто! – его улыбка делается еще шире. – По-моему, даму с таким характером Атхайну вовеки на сторону не сплавить, даже с выгодным политическим союзом в качестве приданого. Наинрин – та пусть дурнушка, но хотя бы не стерва, а уж Йосса...

Комната Флетчера в северном крыле дворца, где разме-

стили всех гостей из Долины Лилий. Первое, что предстает моим глазам, едва я распахнула дверь – некий тип в бежевом камзоле, который разлегся на единственной кровати, перебирая струны лютни. Увидев меня, он в мгновение ока принимает вертикальное положение и отвешивает мне поклон.

– Мое почтение прекрасной леди с золотыми волосами...

Я с трудом сдерживаюсь, чтобы не застонать. Волосы у меня русые, но с приметной желтизной, в общем-то характерной для Ругиланда. Так что первый комплимент, приходящий в голову ну буквально всем и каждому – назвать меня золотоволосой...

– Отставить, Россиньоль, – Флетчер смеется и машет рукой. – Эта леди такая же моталица, как и мы с тобой. Эленд, позволь представить тебе Нэда Россиньоля, Мастера Ордена из Созидающих Башню, известного также как Винато и Большой Баклан, последнее подчеркнуть. Страшный разгильдяй, но при этом идеальный спутник в Сутях, ибо побывал там, где нам и не снилось...

Где-то я уже видела эти соломенные волосы и яркие голубые глаза... не иначе, мельком в святилище Ордена...

– Очень приятно, – я сбрасываю плащ, разуваясь и ставлю сапоги к каминной решетке. Неплохо бы набить их бумагой, но ее на этой Сути изобретут лет через триста, вряд ли раньше. – Кто-то, кажется, обещал развлекать меня, пока моя обувь сушится?

– Уступаю эту честь тебе, Россиньоль, – Флетчер напол-

няет три кубка из большой бутылки темного стекла. – Мои песни тут уже все знают.

– Ты же знаешь, что тебя я готова слушать в любое время! – возражаю я.

– Потом, – вечно эта его наигранная скромность! – Сначала пусть споет мой друг.

Россиньоль, видать, не страдает таким же пороком – с готовностью берет лютню, и комнату заполняет его голос, негромкий, но проникновенный:

Отдохни, побудь немного
В светлой комнате моей,
Распрягай единорога...

Замечательная песня – она заворожила меня с первой же ноты, с аккордов вступления. Даже не ожидала от этого хмыря... Нет, с человеком, который слагает такое, мы, несомненно, будем друзьями!

Когда песня кончается, я поднимаю кубок.

– Как любит говорить старая Илсей из Саксонского ковена – за нас с вами и за хрен с ними!

– За Орден! – кубок Флетчера ударяется о мой.

Наверное, только ради таких минут и стоит жить на свете... Я сижу с ногами на постели, приклонившись головой к Флетчеру – чего церемониться, здесь только свои. На этой же кровати с краешку пристроился Россиньоль, и сменяют одна другую прекрасные песни...

Здесь трава
высотой с дерева,
Здесь цветы
небывалой красоты,
Так пока
непорочны облака —
Черный дым
рук пока не тянет к ним...

Как все-таки они непохожи... Этот Россиньоль по виду — типичный бродяга, средневековый жонглер, знающий, как угодить даме и развеселить толпу. Не сразу и догадаешься, где у него просто песни, а где Слова. Флетчер же — менестрель из легенды, чья песня одинаково тревожит на королевском пиру и у костра на ночном привале... Но сила в них одна — и та же сила, таясь, живет во мне, хотя я-то сама не пою, только Говорю,¹ но и без лютни порой можно сделать немало!

Она то робко намекает,
Что разделяет эту страсть,
То вдруг стыдливо замолкает...

¹ В русском языке не существует точного эквивалента сирийским словам «dillae» (стихотворное заклятие, одновременно являющееся религиозным гимном) и «dillao» (произносить, исполнять такое заклятие). В английском можно было бы попробовать для перевода слово «spell», в русском же приходится использовать написание с большой буквы «Слово» и «Говорить».

Она греха вкусила всласть!
Но с виду ангел, если нужно —
Силен притворством слабый пол...

Что за черт! Я ведь уже слышала эту песню — и если мне не изменяет память, именно здесь, в Мире Великой Реки!

А нужно ей — всего лишь мужа...

— Поскольку, э-э, возраст подошел, — вставляю я совершенно автоматически раньше, чем это успевает сделать сам Россиньоль.

Он резко обрывает мелодию:

— Тебе известна эта песня? Но как раз ее я пою довольно редко!

— Слушай! А ты не пел ее здесь, в этой Сути, три с половиной года назад, во время осады Передола?

— Именно так, — подтверждает Россиньоль.

— Тогда я уже знаю тебя! Ты — тот, кого в Лэе называли Клингзором-сказочником! Вот это встреча!

— Ты была в осажденном Передоле? — его глаза расширяются от удивления. — Кто ты? Как тебя звали тогда, и как зовут сейчас?

— Тогда, и сейчас, и всегда я ношу одно имя — Эленд, — отвечаю я с достоинством.

И тут... Я не успеваю ничего сообразить — Россиньоль опускается передо мною на одно колено, целуя руку, потом

поднимает на меня свои голубые глаза и тихо, с восхищением, произносит:

– Так вот какая ты стала, колдунья! Никогда бы не подумал, что из той девчонки вырастет настоящая королева!

Вот это винегрет! С трудом припоминаю, что, да, за глаза меня в Передоле называли не иначе как Рябиновая колдунья... Флетчер, кажется, не меньше моего потрясен этой сценой. А Россиньоль продолжает:

– Знаешь, у меня та ночь как живая в памяти... Когда тебя разбудили и ты вылезла из кучи лапника, я даже не сразу понял, мальчишка ты или девчонка – так, существо в штанах, и сухая трава торчит из волос. Но как только ты начала читать свои стихи, я чуть с ума не сошел, даже не верилось – разве можно чувствовать так в семнадцать лет? Это ведь даже не всякая женщина понимает! Как я потом тебя искал – для Ордена!

– Но я уже два года в Ордене, – наконец выговариваю я. – Я Подмастерье на Пути Ткущих Узор.

– Значит, есть на небе справедливость, – торжественно произносит Россиньоль.

Когда я, спотыкаясь от усталости, бреду из музыкального салона, устроенного в Яшмовом зале принцессой Наинрин, по дворцу крадется на мягких кошачьих лапках темно-синий весенний вечер.

Как же я сегодня вымоталась, о боги...

Нет, все-таки славная идея – позволить всем менестрелям, которых понаехало видимо-невидимо со всех концов Мира Великой Реки, и других посмотреть, и себя показать еще до свадебного пира. Здесь можно петь сколько угодно и чего хочешь – не то что на пиру, где положено спеть сколько-то королю о доблести и сколько-то королеве о любви... Однако замечу справедливости ради – после этого пения в салоне лично я не пустила бы на пир по крайней мере половину тех, что насиловали лютни в Яшмовом зале.

Кто-то наверняка скажет, что я, как любой член Ордена, слишком пристрастна: не всем же слагать Слова, бывают ведь и просто песни. Бывают, не спорю... но час занудных вариаций на извечную менестрельскую тему «О западный ветер с восточных холмов» способен хоть кого вогнать в тягостные раздумья о том, куда катится наше мироздание. К тому же половина этих песен исполняется на одной ноте, а вторая половина на диком надрыве, и даже находятся таланты (в том числе, неизвестно почему прославленный в этой Сути, Элаур Серебряный Луч), которые умудряются совместить и то, и другое.

Смотрелись, на мой взгляд, всего шесть или семь человек, среди них блистала некая Рант – как я потом узнала, тоже Мастер Ордена на Пути Растящих Кристалл, хоть и местная – и, конечно, Винато-Россиньоль. То, что вытворял там этот хмырь, описанию просто не поддается – зрители стонали... Жаль, что Флетчер не снизошел до высокого собрания, он

бы всем им показал! А впрочем, уж его-то я и в Городе наслушаюсь.

...— Эленд, хвала небесам! Наконец-то я тебя нашел!

Орсалл вырастает на моем пути, как чертик, выскочивший из шкатулки. Ну держись, старый боевой лось! Сейчас ты у меня узнаешь, как без вести пропадать на целый день!

— Ах, это вы, лорд Орсалл, — я вкладываю в эту реплику весь сарказм, на какой только способна. — Боги мои, какая встреча! Не прошло и трех дней...

— Эленд, я...

— Я тебя спрашиваю, возлюбленный мой жених, — не даю я ему рта раскрыть, — по каким непролазищам ты таскался на этот раз? Ты только посмотри, на что похож твой плащ!

— Я...

— Ты — ведро грязи, прилипшее к моему левому сапогу! — выговариваю я с неизъяснимым удовольствием. — И ты прямо сейчас отдашь мне ключ от своей комнаты, чтобы я смогла забрать вещи!

— Именно об этом я и хотел просить тебя, Эленд...

— Что еще? — я сразу наостряю ушки. Если Орсалл чего-то от меня хочет, то за это я обязательно что-нибудь да получу.

— Не могла бы ты эту ночь провести в моих покоях, а меня пустить к себе? Мне крайне неудобно об этом просить... — он наклоняется к самому моему уху: — Тебя поместили прямо напротив гостей с Соснового Взморья...

– Ну и что?

– Унвейя, – шепчет он еле слышно. – Придворная дама Госпожи Моря Хилгеритт. Я был с ней сегодня в новом форте...

– И ты просишь об этом МЕНЯ? – я еле сдерживаю смех. – Меня, твою сговоренную невесту в глазах Атхайна и двора?

– Ты вправе издеваться, Эленд. Я был так неосторожен, что уже назвал Унвейе и место, и час.

Я в свою очередь наклоняюсь к его уху.

– Покорнейше прошу прощения... но не треснет ли у вас рожа, властитель Краснотравья?

– Значит, договорились, – Орсалл тут же сует мне ключ вместе с отстегнутой от плаща массивной овальной застежкой. Хитрый, скотина – знает, что я уже давно положила глаз на эту брошь.

– Имей в виду, – бросаю я ему вслед, – последствия за свой счет. Разбираться с королем будешь сам, без моей помощи.

– Буду, буду, – машет он мне рукой. – Обязательно буду, – и торопливо удаляется по полутемному коридору, насвистывая «Высок кипрей на склонах гор». Я смотрю ему вслед, скрывая усмешку.

Бабник. Сколько себя помню, вечно покрываю какие-то его похождения. О, бедная, бедная, бедная женщина, которой он в конце концов достанется в мужья!

Ладно, мне так даже лучше – не надо перетаскивать вещи с третьего этажа на первый. Нешто пойти лечь прямо сейчас,

не все же злоупотреблять гостеприимством Флетчера. Да он, к тому же, в данный момент наверняка пьет с другими Рыцарями Долины, а я слишком устала, чтобы выдержать еще одну серию великосветских комплиментов...

Как оно обычно и бывает, стоило мне коснуться подушки – усталость и сонливость как рукой сняло. Уже с час я тоскливо ворочаюсь в постели и все больше укрепляюсь в мысли, что лучше встать и пойти потрепаться на сон грядущий с кем-нибудь из старых приятелей.

Шаги в коридоре – не один человек, – неразборчивый гул голосов... К Орсаллу? Нет, мою дверь миновали, слышен скрип ключа в замке соседней.

– Проходите, располагайтесь, – неожиданно четко слышится из-за стенки. Да, со звукоизоляцией во дворце королей Каменогорья явно плоховато...

– Все-таки, Ювад, ты уверен, что здесь нас никто не подслушает? – едва заслышав такое, я тут же настороженно замираю. Между прочим, в речи говорящего слышен акцент Черных Песков. Едва уловимый, правда, но у меня профессионально хорошее ухо на особенности произношения.

– Еще раз говорю тебе, Сальх – никто. Комната угловая, за стенкой только этот пустозвон Орсалл, а ты своими глазами видел, как он проскользнул к бабе.

– Но, может быть, слуга...

– Слуга, понимающий наречие Высокого Запада? Не сме-

ши меня, Сальх. Все наши в сборе?

– Да, все, – низкий властный голос, ответивший это, смутно знаком мне, но никак не припомню, откуда. – Итак, как обстоят дела с королевской охраной?

– Все великолепно, мой господин, – судя по голосу, в котором звенит едва сдерживаемый смех, это совсем мальчишка, моложе меня. – Завтра, в день бракосочетания, во дворце дежурит личная гвардия старого короля, которой не очень-то по душе молодой Атхайн. Что бы ни случилось, их невмешательство гарантировано.

– Но как так получилось, что Лебединую Когорту отозвали из дворца? – еще один голос с акцентом Черных Песков, но куда более приметным. – У меня не укладывается в голове, что Атхайн может хоть в чем-то не доверять Иммзору!

– Я думаю, аттары, подробности будут вам мало интересны, – снова голос мальчишки, довольный-довольный...

– Ты неправ, Эртиль, – теперь смех слышится и в голосе того, кого называли Сальхом. – Аттары с наслаждением выслушают эту замечательную историю.

– Значит, началось с того, что я пригласил одного их новобранца, только что сменившегося с дежурства, пропустить со мной стаканчик-другой...

Я лежу, боясь вздохнуть. Если меня услышат – тут мне и конец, и, как в песне, никто не узнает, где могилка моя... Мать вашу, вот это, называется, повезло! Ну почему всю мою жизнь на меня как бы случайно валятся разнообразные ин-

триги и заговоры – я же их терпеть не могу!

А данный заговор, похоже на то, нешуточный. Если уж речь зашла о Береговой Когорте, чаще именуемой Лебединой из-за крылатых шлемов – самой верной, самой надежной! – и о ее капитане Иммзоре, лучшем друге Атхайна, воистину рыцаре без страха и упрека, которого даже я бесконечно уважаю, хотя не переносу профессиональных военных...

Пришла беда, откуда не звали! Черные Пески в результате войны оказались на проигравшей стороне, им само образование Речного Содружества, где всем заправляет Каменогорье – такая кость поперек горла! Атхайн, конечно, молод, однако уже сейчас мыслит стратегически. Очевидно, что он не сегодня-завтра приберет под свою руку все небольшие держания вроде Краснотравья или Солнечья, причем приберет исключительно мирным путем... И вот вам снова Великая Андорэ почти в своих прежних границах, и горе тогда любым «воинам веры», которые попытаются сунуться на северо-запад! Пока Атхайн у власти, он не допустит повторения того безобразия, которое и довело эту Суть до Войны Шести Королей.

Вот только не всем это по нраву. Почему-то, какую Суть ни возьми, у народов, исповедующих лунную религию, всегда чуть ли не в ментальности заложено, что они не могут не воевать, особенно с иноверцами! И Черные Пески служат превосходной иллюстрацией этого правила...

— ...он к тому моменту уже не вязал лыка, называл меня Илло — видно, принимал в этой форме за кого-то из своих — и клялся в вечном братстве. Я тоже расхваливал его на все лады, и поскольку с его стороны поступило предложение поискать женского общества, обронил, что таким молодцам, как мы с ним, и принцессы не отказывают. Он тут же ухватился за идею и заорал: «Хочу принцессу Йоссамэл!» И с этим воплем поперся по коридору прямо в Хрустальный павильон, а я его и не очень-то удерживал, — мальчишка по имени Эртиль уже смеется вовсю, и ему вторит кое-кто из заговорщиков. — Представляете, идет, скандирует в такт шагам: «Хочу Йоссу!» и при этом размахивает снятым со стены канделябром, из чего я сделал вывод, что именно этим предметом он ее и хочет...

Последние его слова покрывает дружное мужское ржание. Я тоже издаю какой-то сдавленный звук, к счастью, заглушенный смехом аттаров, и для профилактики дальнейших неосторожных поступков засовываю в рот край одеяла.

— Так мы дошли до самой опочивальни принцесс, и он стал долбить в дверь своим подсвечником. Ну, Йосса вылезает на шум, в халате, как всегда, скорбная и страшная, что-то царственно вопит на тему «как смеете, смерды», а из-за ее плеча торчит Наинрин, кажется, в одной ночной рубашке, все кости на просвет видны. Лебеденок мой, увидев это зрелище, поднял палец, икнул и изрек: «Нет, СТОЛЬКО я еще не выпил!»

Новый взрыв хохота. Да, а паренек-то родом из Эстелина, раз безнаказанно проделывает такие штучки! Чужаку не суметь так. Ох, только попадись мне, змееныш...

– Йосса как услышала такие слова, так в обморок и брякнулась – прямо нам под ноги. А Наинрин визжит, как резаная, своим писклявым голосом: «Стража! Стража!» Ну я не стал дожидаться, пока она докричится – через старшенькую перешагнул, подхватил Лебеденка и давай бегом оттуда! Да еще на прощание вякнул: «Так и быть, поимеем совесть, раз Йоссу поиметь никак не получится...»

– Ты позабавил нас своим рассказом, – перебивает его властный голос, – но все это действительно подробности. Каков был результат этих ваших пьяных походов?

– Самый для нас наилучший, мой господин. Йосса, придя в себя, нажаловалась Атхайну, а тот вызвал Иммзора и начал драить: мол, распустил когорту, доверия не оправдываешь, вынь да положь мне этих двоих ублюдков! А пока виновные не будут найдены и наказаны, Береговая Когорта снимается с несения караула во дворце во избежание дальнейших нарушений спокойствия. Иммзору и возразить-то на это нечего было – загнал своих Лебедей в казармы и сам во дворце не показывается.

– Значит, все готово для задуманного нами, – подводит итоги властный голос. Господи, кто же это все-таки? Отчетливое ощущение, что слышала его уже не раз. И он, как и этот Эргиль – не с Черных Песков.

– Так значит, завтра, сразу после свадебного пира? – Ювад, я уже научилась различать их по голосам.

– Воистину так. Вы двое берете на себя Атхайна. Ты, Сальх, со своими людьми – Тэйрина и Клематис, – слышу, он усмехается.

– Славная выйдет у них брачная ночь!

– Ее тоже... раскаленной спицей? – вздрагивает голос Эртия. Понятное дело, мальчишка еще непривычен к столь циничному хладнокровию...

– Можно и обычной, – как ни в чем не бывало отвечает обладатель властного голоса. – Раскаленной надежнее, но это надо еще успеть раскалить. А следов так и так не останется, и все это прекрасно будет выглядеть как результат колдовства... понятно, чьего.

– Имеется в виду ведьмочка из заповедной долины магов? – вот в этом месте мне делается по-настоящему страшно. Черт, да если бы не этот бабский угодник Орсалл...

– Ну почему же именно она? Ее вряд ли тронут, но ведь она сама сколько раз говорила, что не уполномочена отвечать за весь их Рябиновый Дол! А кому из ее родичей пришелся не по вкусу новый расклад – из Каменогорья не доищешься... В общем, престол переходит к Йоссамэл, и спустя положенное время я прошу ее руки и получаю согласие.

Так вот кто это! Можно было и сразу догадаться – Растрейн Фиэренранский из Долины Лилий, тот самый, что так рвется в командоры, но уже дважды выбирали не его. Йос-

самэл давно к нему неравнодушна. А ему так хочется оказаться у руля, что ради этого он все Речное Содружество продаст за бесценок.

И-ди-от! Я понимаю, что на Андорэ ему плевать – лучше быть королем в Каменогорье, чем в Андорэ простым рыцарем – но на что надеется он сам? Усидеть на алебардах своих союзничков с Черных Песков, которые смешают его с пылью как только, так сразу?

Эх, если б только знать остальных! Имена Сальх и Ювад не говорят мне ничего, я не соотношу их с конкретными лицами, а голоса могу и не вспомнить. А у других не знаю и имен, даже не уверена, все ли они с Черных Песков...

– Да, аттары, – это тот третий... – Советую всем участникам завтрашнего спрятать в рукавах кинжалы – мало ли что может случиться...

– На свадебную церемонию и на пир нельзя входить с оружием, – возражает еще кто-то.

– Хо! Атхайн сам не обманывает доверия и других считает такими же глупцами! Нас заставят снять с пояса мечи, но кто заглянет к нам в рукава? Здесь Эстелин, а не ЯрENZAг!

– Так по рукам, аттары?

– По рукам, владетельный Растрейн! И да покарает нас Тот, Чей меч – серп Луны, если мы отступим от своего слова!

– Я принимаю твою клятву, Гисор... будущий властитель Краснотравья! Как насчет того, чтобы взять от меня эту землю, когда я отправлю на плаху Орсалла?

Скажите, не идиот?! Еще дело не сделано, а он уже раздает невзятые земли! Да на его месте я бы эту Гисорову клятву ни в грош не ставила после того, как он только что презрительно говорил о глупцах, не обманывающих доверия!

— Ладно, аттары, — опять Ювад. — Время уже позднее. Обо всем переговорили, так что расходитесь по одному. Ни к чему привлекать внимание...

Скрип двери. Шаги. Снова шаги... Я лежу, как лежала, все еще боясь пошевелиться, хотя тело ужасно затекло. Так и придется засыпать — Ювад-то из своих покоев никуда уходить не собирается.

Да разве мне сейчас до сна? Речь уже идет не только о королевской семье, но и о моей собственной шкуре. Пусть Растрейну и нет дела до меня, но Йоссамэл — совсем другое, ей только дай повод от меня отделаться... Если ее приведут к власти, то дорогу в Каменогорье мне лучше забыть навсегда.

Мозг работает на полную мощность. Что я вообще могу? Предупредить Атхайна? Не поверит — доказательств-то у меня нет. Эртия я в лицо не знаю. Он у заговорщиков шестнадцатая спица в колеснице, и на пиру его, вероятнее всего, не будет — а то еще Йоссамэл узнает или Наинрин... Растрейн наверняка чист как снег и сам никого убивать не станет — зачем претенденту на престол в крови пачкаться? А эти, с Черных Песков... их тоже голыми руками не возьмешь. Что, кинжалы в рукавах — так это наша национальная традиция, мы без них, как без штанов! Или еще что-нибудь в этом ро-

де... И потом, они говорили, что старая гвардия не станет вмешиваться...

Дать знать Иммзору. Это главное.

Но доказательства, доказательства...

И вот я сижу за пиршественным столом и усиленно делаю вид, что слушаю новую балладу Элаура Серебряного Луча из серии «когда менестрели берутся за меч». Не знаю, как менестрели, а вот воины, по-моему, должны браться за меч, едва заслышав такого, с позволения сказать, менестреля. Рядом со мной Орсалл поигрывает вилочкой для фруктов с выражением тоскливой обреченности на лице. Представляю, как ково сейчас старому боевому лосю – у него ведь, в отличие от меня, еще и абсолютный слух...

Поворачиваю взгляд в сторону королевского стола. Королю пристало быть благосклонно невозмутимым, и по виду Атхайна невозможно угадать, какие чувства вызывает в нем сей лажегонитель. Зато его новоприобретенный зять Тэйрин, пытаясь скрыть зевок, отхлебывает из пустого кубка. Оно и понятно – они там, у себя в Долине Лилий, слышали и Флетчера, и Россиньоля, не говоря уж о местных талантах.

Атхайн, Тэйрин, Клематис...

Вот они сидят, все трое, и невозможно сказать, кто из них сейчас более счастлив. Тонкое, с правильными чертами лицо Атхайна сейчас прямо-таки образец королевского величия... а серые глаза так и светятся изнутри серебристой, ве-

сенней, искрометной радостью. И рядом Тэйрин – открытый взгляд, располагающая к себе ясная улыбка. Невысокий ростом, широкий в кости, он всегда уступал в ловкости и изяществе брату своей жены... Но кто в эту минуту осмелится сказать, что сын Дигенны Даквортской некрасив или хотя бы не под стать прекрасной Клематис? Хотя и покинули Нездешние Долину Лилий более тысячи лет назад, но какая-то часть их крови все еще струится в жилах этого ясноглазого, светловолосого народа – у кого-то капелька, а у кого-то и десять.

И король, и жених – оба в белом. Клематис между ними как первый весенний цветок на фоне светлой талой воды. Бледнозеленое – согласно обычаю – свадебное платье, на каштановых локонах покоится венок из пурпурных гиацинтов, заботливо выращенных во дворцовой оранжерее как раз к этому дню...

...Ее тоже раскаленной спицей?..

Ее-то за что?! Только за то, что умеет поднимать глаза к небу и радоваться восходу солнца?!

Вот он, прямо напротив меня сидит – тоже в белом, как все Рыцари Долины, тоже с падающими на плечи длинными светлыми волосами. Лорд Растрейн из Фиэренрана, красивая мразь со скучающим выражением лица. Соколиный глаз в его обруче уставился на меня светлым зрачком перелива. А ведь и этот... и слова-то не ругательного подобрать не могу... тоже предпочел бы сейчас слушать Флетчера, а не то,

что приходится слушать.

Я злорадно усмехаюсь про себя. Среди Рыцарей Долины за этим столом не хватает одного, и лишь двоим в зале известно, какое такое неотложное дело предпочел Йоралин Даквортский песне на свадебном пиру. Лишь Россиньоль слышал ту фразу, которую я быстро шепнула Флетчеру сразу после свадебной церемонии, и видел, как мгновенно помрачнел его взгляд...

Растрейн тоже поглядывает в сторону королевского стола. И не молодая чета притягивает его взор – нет, не она, а затянута в парадное платье – серебро звезд на бархате ночи – красавица Йоссамэл, гордо восседающая по левую руку брата. Старшая – но до сих пор не замужем. Не уступающая в красоте Клематис – но похожая на нее не больше, чем еловый лес на сосновый. Будь ее воля, соком аконита стал бы березовый сок в обрядовой чаше! Подле нее младшая из трех сестер, белобрысая Наинрин. Роскошное сиреневое платье в пене оборок болтается на ее тощей фигуре, как на вешалке или швабре. Эта умна и не истерична – удалась в отца не только внешностью – но уж больно любит быть каждой бочке гвоздем, а потом удивляется – чего это лорды и рыцари обходят ее стороной, как Гнилые Болота?

Что скрывать, эта парочка всегда на меня косо поглядывала – еще и потому, что в преклоняющих передо мною колени я никогда не имела недостатка. Каждый такой (да простится мне гнусное женское самомнение!) воспринимается

ими как добыча, выхваченная из их пасти. Так что не уцелеть мне при Йоссе: женские разборки – вещичка пострашнее любой политики. Эх, знали бы все они, что я давно уже стремлюсь не привлечь новое внимание, но лишь удержать кое-какое старое...

Не желая лишний раз встречаться с ними взглядом, резко поворачиваю голову влево. А вот и аттары Черных Песков, полный комплект. К этим невольно проникаешься уважением. Вон тот, судя по всему, предводитель – спокойный, немногословный, со взглядом ястреба. Наверное, это Гисор, а вот этот, с нервным лицом и быстрыми движениями – Сальх. Резные лица с одинаковыми темными полосками усов, и одежда тоже одинаковая – даже ради праздника не отказались от своего черно-красного. Я чую сталь, что притаилась в широких алых рукавах, как змеи чуют землетрясение. Ибо велико напряжение аттаров, хоть они и прячут его, они сейчас – перетянутая струна... я тоже.

Боги мои, это что, Элаур до сих пор не кончил балладу или я не заметила, как он начал следующую?! Ну нельзя же так, всему есть предел! Склонился над лютней и этак аккуратно потряхивает ухоженной челкой, чтоб и не растрепать, и порыв страстей изобразить. Проскакивает мысль: а родись этот персонаж где-нибудь в Сутях Города – наверное, лажал бы в стиле рок на еще одну извечную тему о дыме сигарет и ночном окне...

Нет, нельзя так – это напряжение с примесью страха дела-

ет меня такой ненормально озлобленной. Ведь хороших людей за этим столом на порядок больше. Взять того же Орсалла или Госпожу Моря Хилгеритт, или Сарда, нового командора Рыцарей...

Ох... Наконец-то он кончил! Тянет перекреститься, но Миру Великой Реки неведом Распятый, а потому вместо этого я демонстративно прикладываю ко лбу пальцы, сложенные колечком.

– Да простятся мне мои дерзкие слова! – это Россиньоль. Тоже наверняка чуть не уснул... – Всем известно, как хороши баллады Элаура, но не кажется ли вам, почтенные гости, что сегодня мы собрались здесь не вспоминать о горестях минувшей войны, а петь и радоваться?

– Истина! Точно так! – гул голосов со всех сторон.

– И, так как сейчас настала моя очередь петь для молодой пары и всех вас, я спою веселую Эрг-Лэйскую застольную песню!

Так... Готовность номер раз. Россиньоль предупрежден: петь такое, подо что я могла бы танцевать.

Россиньоль пробирается на место певца. И с первым же его аккордом – *«Хэй, пусть звенят бокалы – снова нам мало, хоть наливали вовремя нам сполна!»* – я срываюсь со своего места и, покорный движению рук, взлетает вверх мой черный полупрозрачный плащ. Вряд ли любой другой женщине за этим столом простилось бы подобное нарушение приличий, но статус чародейки везде и всегда несколько особый...

Нет, Мастер Мастера всегда поймет, даже если один из них еще Подмастерье – то, что надо!

Хэй,
Пусть красотки пляшут
К радости нашей,
Путь наш украшен
ласками юных дев!..

Изящная прическа, которую Лейримэл утром целый час сооружала на моей голове, рассыпалась в какие-то считанные минуты – ну и хрен с ней! Я кружусь между накрытыми столами, и вот уже двое или трое юных девиц, которых некому оказалось вовремя ухватить за подолы – в том числе Эймо – присоединяются ко мне. Веселье охватывает зал, в глазах появляется блеск.

– Спасибо, сестра, ты подняла всех! – кричит мне Клематис, когда я оказываюсь слишком близко от новобрачных. Это придает мне веры в себя. Одним прыжком я взлетаю на стол, с которого уже убраны основные блюда, и там с торжеством завершаю свой танец.

Музыка смолкла. Что ж, своего я добилась – все взгляды прикованы ко мне. Сейчас я как Поющая на возвышении, средоточие порывов и энергий тех, кто у моих ног...

Так не дрожи коленками, Эленд, мать твою! Что делаешь – делай!

– Государь мой Атхайн, и вы, отважный Тэйрин и дивная

Клематис!.. Пусть я не менестрель, но есть у нас в Рябиновом Доле одно... – секундная заминка, – ...Слово, которое будет очень уместно на этой свадьбе. Дозволите ли вы мне говорить, владыки?

– Говори, Эленд Плетущая Чары, – величественный кивок Атхайна.

*СЛУШАЙТЕ! ПОКУДА НЕ ПРОБИЛ ЧАС,
ПОКУДА ОСТАЛИСЬ СИЛЫ И ГОЛОС...*

Я делаю глубокий вдох, словно собираюсь скрыться под водой. Мир вздрагивает от звука моего голоса:

– Зажгите свечи, и звезды зажгите!

Сегодня ночью для вас танцует

Прекрасная Алла из храма Сиры...

Слово – не с этой Сути. Силийское. «Андсира», «Долквир» – непонятные здесь слова, но плевать. Пусть думают, что хотят. Я – Говорю. Я делаю свою работу.

– Стекайтесь скорее на главную площадь!

Сейчас она начинает свой танец,

Ступая по черным зеркальным плитам

Легко, как будто по облакам...

Море огней – то факелы светят,

Море голов – то замерли люди,

А музыка громче и все быстрее —

Как сердце выдержит этот ритм?

Одна – в толпе, на земле и на небе,

Под тонким сиреневым покрывалом
Так беззащитно гибкое тело,
И кровь струится музыке в такт.
А там, во дворах, столы с угощением —
Но не позволит Андсира пройтись ей
Босыми ногами в безумном танце
По мясу с кровью и по вину...

Я Говорю, я уже сама не слышу своего голоса — я настоящая Поющая. Все, кто в этом зале, протекают через меня — и я знаю, что и Флетчер уже здесь, замер у дверей в напряжении ожидания. А я срываю со всех оковы, как скальпелем по душе, и все тайное незаметно становится явным, и все, кто в силах прикоснуться ко мне мыслью, наделяются даром видеть сущность вещей...

— Зажгите свечи, и звезды зажгите!
Сегодня женится мой любимый,
И перед тем, как сойти в могилу,
В последний раз я танцую для вас!

Все, отказали тормоза... Нетерпение аттаров — прибой, что не в силах коснуться моих ног. И вот теперь можно вставлять ключ, умело выточенный под замок. Монотонно, нарастающий, в бешено-завораживающем ритме:

КРУЖИСЬ ЖЕ, АЛЛА, ПОКА НЕ УСТАЛА,
ТАНЦУЙ, ПОКА МЕРТВАЯ НЕ УПАЛА,

ЛЮБИМЫЙ ЖЕНИТСЯ, И НАГРАДОЙ
ЗА ТАНЕЦ ЖИЗНИ ЕЙ БУДЕТ СМЕРТЬ,
ЗА ЗВЕЗДНЫЙ ТАНЕЦ ВО СЛАВУ АНДСИРЫ,
ЗА ТАНЕЦ СИРЫ – МЫ ПЛАТИМ ЖИЗНЬЮ,
ЗА ТАНЕЦ ЖИЗНИ – МЫ ПЛАТИМ СМЕРТЬЮ,
ЗА ТАНЕЦ СМЕРТИ – ЛЮБВИ... ПЛАТИТЬ...

Голос мой медленно замирает в обморочной тишине. Больше всего в этот миг мне хочется упасть без сил, но я с изумляющим меня самую жестоким упрямством отсчитываю секунды: две... три... четыре... старт!

– Да как ты посмела!

– Кошунство!

– Разве можно такое читать на свадьбе!

– Это заклятие!

– Конечно, заклятие!

– Смерть чародейке!

Ага... Вот вы все, голубчики (восемь... девять...), кого слетевшие тормоза уберегли от оков моей финальной ворожбы! Ну ни один не захотел промолчать, каждый высказался – тут тебе и все аттары (нет, не все – есть и непричастные!), и всеми нами любимый лорд Растрейн, и начальник старой гвардии (четырнадцать...), и скорбная Йоссамэл – ух ты, да она, оказывается, вовсе не в неведении, – и ее дама Раэрис... шестнадцать... финиш!

– А ну, молчать! – это очнулся Атхайн. В том, что контакт наших подсознаний состоялся, я уже не сомневаюсь.

Всплески деструктивности, равно как и выкрики, стихают, властной рукой ненадолго загнанные в берега. Одновременно с этим начал приходить в себя остальной народ – глаза светлеют...

– Зачем ты это сделала, Эленд? – сталь в голосе. – Это были сильнейшие чары – и я не увидел в них света!

Я поворачиваюсь к нему – глаза в глаза.

– Государь мой Атхайн, вспомни, применяла ли я хоть раз ту власть, что дарована мне свыше, во вред тебе и Речному Содружеству?

– Ни разу доселе, – голос его тверд. Он хочет быть справедливым – я не лишу его этого удовольствия.

– Помнишь ли ты, как шло твое воинство, повинуюсь слову моему, три дня без сна и отдыха, чтобы успеть в Эрг-Лэйю?

– Трудно забыть такое.

– Не ты ли тогда поначалу страшился довериться мне, ибо и тогда увидел в моих Словах и делах не свет, но силу?

– Было так.

– Последний вопрос – не сочти за дерзость, мой государь. Готов ли ты еще раз вверить мне свою жизнь в случае неминуемой опасности?

– Если не будет иного выбора, я не стану колебаться.

Еще один вдох. Кажется, заговорщики уже начинают понимать.

– Так прикажи страже, государь, – резко и быстро выкри-

киваю я, – арестовать и обыскать всех, кто возвысил на меня свой голос – твоя память держит их не хуже моей! Ибо лишь злой умысел разрушения и смерти может противостоять этим чарам! Единение с Той, что зовет к Себе...

Я не успеваю договорить – ярENZAгский метательный нож, нацеленный мне в горло, со звоном ударяется о застёжку Ор-салла, которой сколот на груди мой плащ. Да, этого стоило ожидать от тех, кто потерял контроль над своими порывами! Я инстинктивно падаю, уклоняясь от второго ножа, который отбивает Тэйрин широким металлическим зарукавьём – и ловлю плечом третий, с той стороны, откуда не ждала... да и не мне предназначенный. Сквозь обжигающую боль в сознание прорывается мысль: а Растрейн, оказывается, даже еще больший дурак, чем я думала...

– Вот видишь, государь! – нахожу я в себе силы выкрикнуть. – Какие тебе нужны еще доказательства? Я отобрала у них сдержанность... – и тупо смотрю, как рвется наружу кровь из моей раны, почти невидная на черном. Но в мою сторону никто уже не смотрит. От дверей в зал доносится знакомый до слез боевой клич: «Андорэ и Эстелин!», и в зал с обнаженными мечами врываются Флетчер и капитан Иммзор, а за ними бегут воины с лебедиными крыльями на шлемах, которые тут же ввязываются в схватки с аттарами и кое с кем из старой гвардии. Иммзор в несколько прыжков оказывается рядом с лордом Растрейном, а Флетчер подбегает ко мне...

– Что с тобой, Элендишка? Ох, черт, да они тебя серьезно ранили! – я слышу страх в его голосе и вдруг понимаю, что в этот миг Йоралин Даквортский плевать хотел на всех королей мироздания. Он подхватывает меня на руки, пачкая кровью свое белое одеяние. Рядом уже Орсалл и Россиньоль, кто-то из них, пытаясь помочь, выдергивает нож из раны...

Взрыв боли. Мир гаснет.

Не знаю, что заставило меня пробудиться. Просто вдруг сон отхлынул, как волна отлива, и я осознаю себя в темной комнате Флетчера, в трепетной паутине тишины, сквозь которую из окна доносятся звуки праздничного веселья – голоса, смех, аккорды лютни, и над всем – песня Россиньоля: *«Все было так, во все века, и будет впредь наверняка!»* Еще не ночь, а только поздний вечер, веселье и не думает утихать. Окно распахнуто настежь, но все равно все это – там, далеко, отдельно от меня, не в силах перелиться через подоконник и разрушить мой хрупкий покой. Я просто лежу и даже не слушаю, а слышу.

Рану под повязкой слегка, приятно, покалывает – это хорошо, значит, к утру от нее не останется и следа. Здешняя Алфирил – умелый целитель. Осторожно касаюсь шарфа, которым притянута к телу моя левая рука – темная газовая полоса прикрывает грудь, выделяясь на белой рубашке даже в темноте. Все, что сейчас требуется от меня – сохранять полный покой...

Дыхание весенней ночи – ветер чуть касается моего лица, как обещание...

Скрип двери. Осторожные шаги. «Кто там?» – хочу спросить я, но оцепенение грани меж сном и явью сковало меня, я здесь и не здесь, и губы не шевелятся. Да это и ни к чему – я уже знаю ответ. Шорох падающего с плеч плаща, едва слышный стук сброшенных сапог... и кровать поддается под дополнительной тяжестью.

– Спишь? – еле слышно, у самого лица.

Я молчу. Я сохраняю полный покой. Шелковистая прядь волос касается моей щеки. Сердце мое, и до этого бившееся не очень сильно, замирает совсем – вот оно... Осторожно-осторожно он подсовывает левую руку мне под плечи, а правую кладет на грудь, совсем рядом с раной. Я жду... непонятно чего, наверное, прикосновения губ... но ничего не происходит – я просто в кольце его объятий.

Совсем близко. Так близко, как я даже мечтать не смела никогда и ни разу. Я боюсь пошевелиться, боюсь дышать – только бы не разомкнул рук...

А потом все исчезает. Остается темнота и тишина, и в этой темноте я – зеленое пламя, зажженное неведомой рукой. Плоть исчезла, суть обнажена. Я горю, значит, живу, но свет мой не в силах разогнать тьму вокруг меня, только накаляет ее нестерпимо, и я – пламя – дрожу в этой тьме... И осознаю, что совсем рядом со мной другое пламя – синее, как летний полдень, и такое же ослепительное, но не грею-

щее, а лишь разбрасывающее вокруг себя призрачный свет синей лампы.

Я тянусь к этому другому пламени, мы осторожно соприкасаемся краями – и на границе рождается, как новая звезда, ослепительная бирюзовая вспышка, и наше биение уже попадает в такт друг другу. Отдергиваемся и снова касаемся, и вдруг – как вздох – вбираем друг друга одним неодолимым движением, и уже нет ни меня, ни его. Есть Мы – бирюзовая звезда, ослепительная и раскаленная – Свет и Сила слились в одно. И каждое дрожание лучей этой звезды, каждая пульсация света отдаются в нервах невыразимым, невозможным наслаждением, и я вижу его – свою – душу до самого дна, и нерешительность уходит, тает, как лед, заменяясь радостным изумлением... счастье, непредставимое счастье абсолютной открытости, взаимного проникновения двух душ... слов не хватает, да и не нужны слова, мы – единая нервная система...

«Я ждала тебя всю жизнь.»

«Я тебя тоже. Просто не сразу понял, что ты – это ты.»

«А я сразу поняла. Я узнала прикосновение твоего пламени. Мы уже были вместе... давно, далеко...»

«Да, два раза или даже три. Я знаю тебя. Когда-то давно тебя звали рыжей Ирмгарди.»

«А тебя – Ренато Флорентинцем. Ты вторая и лучшая половина моей души.»

«И ты – моей. Ты – жизнь. Нет большего наслаждения, чем делиться с тобой надеждой.»

«Ты – сияние. Нет большего наслаждения, чем делиться с тобой силой.»

...Впоследствии Россиньоль рассказывал, что, когда он вошел в комнату, мы лежали, как были, в одежде, застывшие до такой степени, что можно было бы счесть это оцепенением смерти, если бы сердца наши не бились, как одно, а от лиц и рук не исходило зеленовато-голубое сияние. Он окликнул нас – но мы даже не пошевелились, не разомкнули объятий. Мы были вне времени и пространства – и, низко склонившись перед нами, он вышел из комнаты и закрыл за собой дверь.

* * *

“Ты, кажется, успела влюбиться во Флетчера.”

“С чего это ты взяла, Нелли?!”

“Просто ты избегаешь называть его по имени, а когда говоришь о нем, то зовешь его «этот изверг»...”

О нем я могу рассказывать бесконечно, так что если утомлю, прерывайте без стеснения...

Я познакомилась с ним неполных восемнадцати лет от роду, в тот же день, когда ступила в Круг Света и стала собой – отныне и навсегда. Еще не веря в свое новое достоинство, не успев привыкнуть к этому необыкновенному чувству единства со всем сущим...

Был дождь – сверкающий майский дождь, что сбивает лепестки с цветущих яблонь, превращает переулочки Города в бурливые горные реки, смеющийся весенний дождь, от которого не укроют ни зонт, ни магия, ни полиэтиленовая пленка – да и стоит ли от него укрываться, лишая себя такой радости? Наверное, все-таки стоит, если на тебе новое бледно-зеленое платье, да еще отделанное жемчугом. Дождь дождем, а линялых тряпок у меня и без того предостаточно...

Вместе с другими прохожими я стояла в дверях большого продуктового магазина и смотрела на серебряную стену, отделившую мир людей от мира стихии...

«А вот мы сейчас девушку спросим... Не согласитесь ли рассудить нас, лойнэлле?»

Их было двое, оба чуть постарше меня. Один, тот, что обратился ко мне – моего роста, с нечесаной соломенной гривой и лицом, неуловимо выдающим жителя технологической Сути... я лишь бегло скользнула по нему взглядом и во все глаза уставилась на другого, в ярко-голубом, через плечо которого был переброшен широкий ремень гитары.

Он не поражал своим обликом, черты нервного смуглого лица были тонкими, но скорее неправильными – слишком большой рот, выступающий подбородок... Но Круг Света обострил мое зрение, и легкость его движений, гибкость удивительно соразмерной фигуры и в особенности необыкновенно красиво очерченные кисти рук сразу же выдали мне хорошую примесь Нездешней крови в этом человеке. Это –

в первый момент. А во второй я поняла, что его лицо мне знакомо, хотя никакое имя с ним не ассоциируется...

«Тут мой приятель Хэйм настаивает, что надо брать белое лаорийское вино, а по-моему, единственное, что здесь стоит внимания в пределах десяти фиолетовых – это „Айренеса“. Вот что вы нам присоветуете, если на закуску только арахис в сахаре?»

Из всей этой фразы я толком уловила лишь одно слово... и неожиданно словно что-то щелкнуло в мозгу, вставая на свое место.

«Значит, тебя зовут Хэйм? По-моему, совсем неподходящее имя для Рыцаря Долины. То ли дело – Йоралин из Дакворта!»

Тогда-то я и увидела впервые, как он улыбается...

«Так ты из Мира Великой Реки?»

«Ну... скажем так, бывала там. Я из Сутей Города.»

«Представь себе, и я тоже!» – он взмахнул рукой с воображаемой шляпой, поклон заставил разлететься его длинные – длиннее моих – темные кудри... «Хэмбридж Флетчер, Мастер Ордена Слова, к вашим услугам!»

Мастер Ордена... Как сейчас вижу тонкую серебряную цепочку, стекающую ему на грудь из-под распахнутого воротника рубашки, а на ней – причудливо ограненный огромный опал. Этот камень словно вобрал в себя все краски мироздания, все колдовское пламя звезд и ночных костров. Тогда я еще не знала, что это не просто красивая побрякушка,

предположительно Нездешнего производства, а Мастерский Символ на Пути Растящих Кристалл. Да и сам этот титул еще был пустым звуком для меня...

«Очень приятно. Я Элендис Аргиноль, и ты, Флетчер, первый, кто слышит от меня это имя.»

«Вот как? Чем же я заслужил такое доверие?»

«Да ничем. Просто еще два часа назад я и мое Имя не были одним целым.»

«Значит, ты только сегодня вошла в Круг Света? Какое совпадение – я ведь тоже только сегодня подтвердил звание Мастера! Черт возьми, это заслуживает того, чтобы устроить совместную попойку! Как ты на это смотришь, Камил?»

«Замечательно смотрю. Но продолжаю настаивать, что надо брать „Айренесу“.»

Пойти куда-то с ними... то есть с ним, Камил – так, в нагрузку... Как же я была счастлива в эту минуту, вот так взяла бы и засмеялась прямо на весь магазин! Люди уже и без того оборачивались в нашу сторону – поклон Флетчера привлек к нам всеобщее внимание.

«Глаза б мои на вас не глядели, изверги! Нате вам еще пятнадцать и берите то и другое, и еще что-нибудь, чем заесть, а то я с одного бокала захмелею.»

Камил в нерешительности посмотрел на Флетчера. «Бери-бери», – я настойчиво сунула ему в руку свои последние деньги. «Считай, что „Айренеса“ ваша, а лаорийское поставила я.»

Не скрывая удовольствия, он почти бегом направился к прилавку с выпивкой.

«Мой друг, Камил Меройе из Города Страны Больших Труб. Славный парень, но совершенно не умеет вести себя в обществе дам – то стесняется, то хамит, а чаще всего делает то и другое сразу...»

«Кстати, ты сам не назвал мне ни Истинного Имени, ни Сути.»

«А тебя еще не научили, что требовать этого не всегда вежливо?» – улыбка сгладила неловкость, но я не сразу нашла с ответом.

«Ну, ты же говоришь, что из Города... и не Нездешний, хотя и их крови... так что же тут невежливого?»

«Ты это видишь?! Я имею в виду – то, что я полукровка?»

«Так ведь в глаза же бросается...»

Он с усилием сглотнул... Знать бы мне тогда, за что зацепила – прикусила бы себе язык за бестактность!

«Во мне только четверть эльфийской крови – но на Экологической Нише достаточно и одной восьмой! Я и моя мать – беженцы из тамошней версии Города.»

А вот об этом я уже кое-что знала даже тогда... «Прости...» – я взяла его руку и прижала к своей щеке. И тогда он наклонился ко мне и шепнул на ухо:

«Мое Истинное Имя – Хейнед Виналкар. И ты тоже первая, кто его слышит.»

Я посмотрела ему в глаза.

«Спасибо... Флетчер. Даю слово, что никогда не помяну его всуе – как имя Господа.»

А потом дождь кончился, и мы пошли к нему домой, и там весь вечер пили, и он взял гитару, и я влюбилась в его песни с первого аккорда – я, выросшая на в высшей степени благопристойной Тихой Пристані, где не принято петь в подземных переходах, где не сформировался рок и давно оборвана менестрельская традиция...

Экологическую Нишу за то и прозвали так, что лишь одна разумная раса имеет право жить и дышать там – люди, простые смертные. Все же прочие – «нелюди» – обречены прозябать в резервациях. Там не знают слова «Нездешний» – и нет оскорбления страшнее, чем «эльфийское отродье».

Мир, где дурнушка может оговорить красивую соперницу – мол, отец ее неизвестно откуда пришел, не от эльфа ли рожден – и расстроится свадьба, и доживет красавица свой век старой девой с поражением в правах...

До чего же злы бывают эти законопослушные граждане, не прощающие ближнему своему ни красоты, ни долгой жизни, ни таланта, но трижды не прощающие – благодати, причастности всему сущему!

Но даже в этом мире возможно все. И рождаются на свет красивые дети с глазами без белков, за чью жизнь матери-смертные платят своей – и выживают, несмотря ни на что. Полукровки вообще живучие.

Одной из таких полукровок и была леди Тассия, мать Флетчера.

Я видела ее – хрупкую сероглазую женщину, выглядящую немногим старше сына, стыдливо прикрывающую шалью изуродованную левую руку...

Будь трижды благословен смертный, отец Флетчера, которого тот никогда не видел, но от которого ей посчастливилось родить сына-мотальца! Уже в тринадцать лет будущий Мастер Ордена сумел пройти по пути в Город-для-Всех – и увести туда свою мать.

Флетчер – обычный человек и даже не унаследовал в полной мере материнской красоты. Разве что проживет лет четыреста да бритва ему без надобности... Но честное слово, когда он берет в руки гитару, я помню только про одну четверть его крови и напрочь забываю про три остальных!

Характер у него, конечно, далеко не сахар, и немногие знают о нем то, что знаю я. Это в него уже на всю жизнь вьелось – прятать от людей свою Нездешнюю составляющую и в конечном счете все лучшее в себе. Но я знаю, что он – один из любимых учеников самого Ливарка, и я видела, каков он с матерью – этого мне достаточно.

Сказать вам совсем честно?

Он заслуживает лучшей женщины в мироздании. Нежной, мягко женственной, умеющей понять и успокоить, всегда приветливой и ласковой, уютной, заботливой, женщины, которая создаст ему такой дом, куда он будет всегда возвра-

щаться с радостью... Верной жены, искусной любовницы, отличной хозяйки и прекрасной матери его детям...

Короче – такой, какой я не в силах стать даже ради него.

Катрен II. МОЙ БЕЗ ПАМЯТИ ЛЮБИМЫЙ ГОРОД

– ...Aem-mon lomies caliae limro si raedli venqoir – и да не ступит никакая Тень в наш круг. Да будет так.

– Да будет так, – прошелестели надо мною четыре голоса.

Я сижу на коленях в центре громадной четырехлучевой звезды, символа Единой, что выложена на каменном полу Зала Магистров – каждый луч наполовину кремовый, наполовину серозеленый, что-то вроде стандартной «розы ветров». Причем именно сижу, а не стою, что довольно-таки нагло с моей стороны. Пол, кстати, холодный, и колени мои медленно, но верно стынут.

Луч звезды прямо передо мной упирается в ступени небольшого возвышения. И на нем, освещенный белым сверкающим кристаллом, в деревянном кресле с высокой спинкой, опустив руки на подлокотники – Ливарк, Верховный Магистр Ордена Слова. По идее, я должна смотреть ему в глаза. Но он всегда был непостижим для меня, и по его лицу я все равно ничего не прочитаю – не дано мне. Поэтому, зафиксировав зрачки на сапфировом трилистнике в центре обруча Ливарка, я переключилась на внутреннее зрение и разглядываю троих Магистров Путей, стоящих у концов трех остальных лучей.

Конечно, Ливарк отслеживает это. И возможно, даже по-

нимает, что думаю я сейчас не столько об Апелляции, сколько о том, что недавно на голову мне свалилась моя сестренка Маэстина, и с этим надо что-то срочно делать. (Выражение «свалилась на голову» понимаете как вам больше нравится.)

Волнения давно уже нет. Все словно во сне... И к тому же я сильно сомневаюсь, что здесь что-то зависит от меня и моего волнения. Вглядываюсь в лица Магистров, пытаюсь понять – какого они мнения об этом затянувшемся анекдоте, что имеют сказать в мою защиту?

Слева от меня стоит Габриэль Лормэ, и на его лице я вижу поддержку и сочувствие. Это закономерно – ведь именно он и подбил меня на Апелляцию к Магистрам. Белый камзол, зеленый плащ, золотые волосы выются по плечам – изыскан и изящен, как всегда... По виду он типичный современник какого-нибудь Бернара де Вентадорна, хотя по жизни ему лет тридцать с небольшим. Я еще была сопливой девчонкой с Тихой Пристани и знать не знала ни о чем таком, когда Ливарк принял обруч Верховного, и место Магистра на Пути Созидающих Башню – древнейшем из трех – освободилось. И место это по праву занял Лормэ, в финальном Прении одержав верх над прекрасной Альмуад. За все эти годы никто даже не попытался бросить ему вызов – настолько неоспоримо было его превосходство. И он всегда уважал меня до такой степени, что даже позволял работать со своими Словами и Построениями. Короче, за свой левый фланг я не беспокоюсь.

Справа от меня Сайрон из Сияния опирается на гитару с таким видом, словно это меч. Не только Говорящий Слова, но и воин – и этим похож на Флетчера, своего подчиненного. В отличие от Лормэ, Магистру на Пути Растящих Кристалл глубоко плевать, как он выглядит. Каштановые кудри торчат во все стороны, словно он не причесывался три дня, светло-бежевая рубашка измята, а шея обмотана неизменным серым шарфом. На него не смотрят – его слушают с замирающим сердцем... Ощутив, что я остановила на нем внутренний взор, Сайрон подмигивает мне, как старый приятель: держись, мол, как-нибудь прорвемся. Да, он не Лормэ, мы знакомы с ним с незапамятных времен, и у меня хватает нахальства не смотреть на него снизу вверх. (Между прочим, я одна знаю, что следующей весной, во время большого Орденского фестиваля, Флетчер намерен бросить ему вызов. И еще неизвестно, кто победит!)

Сзади неодобрительно поглядывает мне в затылок красивая смуглая женщина лет двадцати пяти на вид, по внешности – астурский колониальный тип. На ней золотисто-розовое платье, плечи обнажены, пышные блестящие черные волосы удерживает большой гребень. С трудом верится, что ее зовут холодным северным именем с запахом солоноватого льда – Ар-Ньерд Скогадоттир. Мое непосредственное начальство, Магистр на Пути Ткущих Узор, которую я без особых церемоний сокращаю до Нодди. Так ее звали когда-то давно в недолгую бытность рок-звездой, о чем она вспоми-

нает не иначе как с циничной ухмылкой. И это по ее милости я с третьей попытки не пролезла в Мастера Ордена. Пожалуй, она пристрастна ко мне, но я не могу обижаться на нее за это – слишком люблю, хотя порой мы с ней ругаемся так, что по всему Зодиакальному кругу должны происходить магнитные бури.

– Итак, Магистр Ар-Ньерд... – это голос Ливарка. Есть в нем какие-то особенные мягкость и свет, что-то такое, что всегда настраивает меня на спокойный и возвышенный лад, в каком бы настроении я ни предстала перед ним. – Правду ли утверждает Подмастерье Элендис, что и после третьего испытания ты не сочла ее достойной степени Мастера Ордена Слова?

– То истина, – отвечает мое начальство, как полагается по ритуалу. Выражение ее лица я бы обозначила словами: «я не трушу и упрям».

– Однако мне ведомо, что Совет Мастеров всех трех Путей судил иначе и счел Подмастерье Элендис выдержавшей испытание.

– Да, было так. Но, как Магистр Ткущих Узор, я обладаю правом вето – и я его осуществила.

– Чем же ты мотивируешь свой отказ? Считаешь ли ты, что Подмастерье Элендис недостаточно талантлива в сплетении Узоров?

– Нет, не считаю.

– Считаешь ли ты, что Подмастерье Элендис недостаточно

сильна, чтобы пользоваться поддержкой Мастерского Символа?

– Магистр Ливарк, – в ее голосе заминка досады, – на этот вопрос я не в силах ответить только «да» или «нет».

– Могу ли я сказать? – это влезает Лормэ. И, не дожидаясь формального разрешения Верховного: – Как Магистр, равный Ар-Ньерд и владеющий той же мерой объективности, утверждаю и свидетельствую, что Подмастерье Элендис не только способна полноценно работать на уровне Мастера, но уже делала это неоднократно и успешно.

– Что дает тебе основание утверждать это, Магистр Лормэ? – не сомневаюсь, что Ливарк спрашивает так, для проформы. У него – свои источники информации...

– Верно ли то, что лишь три полноправных Мастера с трех Путей способны выстроить Купол Абсолютной Защиты? – вопросом на вопрос отвечает глава Созидающих Башню.

– Воистину...

– Так вот, – перебивает Лормэ, – семь месяцев назад такой купол был выстроен над Вратами Белгунды, и от Ткущих Узор в этом участвовала Элендис наравне с двумя Мастерами – с моего Пути и с Пути Растящих Кристалл.

Точно – Лормэ присутствовал при том, как я хвасталась этим деянием на балу в Башне. Все одно к одному...

– Это где такая Белгунда? – вмешивается Нодди, презрев ритуал.

– На границе между знаками Рака и Льва, – спокойно и

четко отвечает Сайрон. Ах да, его же тоже туда носило, правда, несколько раньше, чем нас – до Черной пыли – и не в Белгунду, а южнее. Но все равно – было, не спорю. – По официальному реестру Башни Теней эта Суть называется Мидгард-6.

– Не была... Хотя, кажется, знаю оттуда кое-кого – жрицу, что ли, ихнюю... Смуглая такая, курчавая и невысокая.

Ага, Гэсти из храма Пляшущего Тура, она самая. И уж не знаю, шесть или еще сколько, а мы так всегда звали это местечко попросту Мидгардией. Суть как Суть, не приманка для туристов, но и не жертва эсхатологии. И Белгунда – очень славная провинция, живут там простые милые люди, растят ячмень, пасут свиней, варят пиво. И никто никому не враг...

– Кто из твоих Мастеров строил этот купол? – прерывает неуставные разговоры Ливарк.

– От Созидающих Башню там был Мастер Россиньоль.

– А от Растящих Кристалл – Мастер Флетчер, – добавляет Сайрон, хотя его пока никто не спрашивал.

В эту минуту я, для разнообразия, возвращаю зрение в зрачки и успеваю заметить, как легкая улыбка трогает губы Верховного: опять эта неразлучная троица – «сладкая парочка» Элэнд и Флетчер (как дразнит нас Урбен де Периге, побратим Флетчера) и примкнувший к ним Россиньоль... Уж не до такой степени непостижим для меня Ливарк – такая улыбка у него довольно точный эквивалент гнусного хихи-

канья. Это же далеко не первый случай, когда до него доводят совместные похождения нашей бригады!

Нет, что ни говорите, а славное тогда вышло дельце. Флетчер с Россиньодем в то лето работали во Вратах Белгунды по контракту, причем Флетчер уже не в первый раз. А я прикидывалась странствующей жрицей в одном древнем городке, шарлатанствовала месяц, надеясь кой-чему подучиться и попутно прихватить на память некую святыню – мне она явно была нужнее, чем им. Только местные жители довольно быстро поняли, что я из себя представляю, и выгнали с позором.

Вот я и подалась в Белгунду, потому что как раз тогда Мидгардию начало застилать Черной пылью, а удирать, не предупредив своих, казалось мне непорядочным. И когда зашла речь о Куполе, всем было до лампы, что я только Подмастерье – накрыть землю от Черной пыли как-то важнее. А уж когда мы разожгли костер, влезли на ворота и Флетчер заговорил свое Слово первым – народ тут же притих и начал всех нас молча уважать. Ну что ж, и мою часть работы похаять нечем, хоть и использовала я вместо Мастерского Символа бусы из янтаря с серебром, случайно оказавшиеся у меня на шее. А в результате не пострадавшая от Пыли Белгунда теперь одна из главных политических сил Мидгардии и даже с Царством Приморья не считается, вот как. Это, кстати, к вопросу о роли Слова в геополитике...

– Я расспрошу обоих этих Мастеров, – наконец говорит

Ливарк. – Но и без этого я вполне готов поверить твоим словам, Магистр Лормэ – хотя бы потому, что хорошо знаю об аналогичном случае в Море Великой Реки, когда Подмастерье Элендис в одиночку выполнила работу полноправного Мастера.

Ух ты, чего он припомнил! Моему так называемому «подвигу на пиру» уже скоро год, но его я не забуду до смертных врат – ведь именно он подарил мне Флетчера. Однако любопытно, кто довел эту историю до Верховного – кроме нашей славной троицы, из Ордена я видала там только Рант...

– Раз уж ты сам заговорил об этой истории, Магистр Ливарк... – неожиданно вступает Сайрон. В принципе, от него я многого не жду – несмотря на наше давнее знакомство, в работе он видал меня лишь однажды. Так что дружеское сочувствие – все, что он может мне предложить. – Хотел бы обратить твое внимание на то, что тогда Элендис взяла за основу своего Узора старое Построение Мастера Альмуад. А только истинному Мастеру под силу взять Слово не своего Пути – и дать ему новую жизнь для своих целей.

– То, что Эленд ставит опыты над чужими текстами вместо того, чтобы шлифовать свои, мне и без вас известно! – ни с того ни с сего взрывается Нодди. – И я закрываю на это глаза. Я даже допустила ее к испытанию со «звездной шестеркой», содержащей лишь две вещи, полностью сплетенные ею самой. А одна из тех, что не ее, между прочим, была твоя собственная, Магистр Лормэ!

– Во-первых, я официально разрешил Эленд работать с этим Словом даже без Права Мэллора, ибо признаю, что перевод на Путь Ткущих Узор сделан блистательно! – невозможно парирует Лормэ. – А во-вторых, дорогая Ар-Ньерд, ты отстала от жизни. «Звездная шестерка» Эленд уже стала семеркой, и седьмое Слово в ней – твой «Факел».

В ответ на это Нодди заводит глаза к небу и демонстративно крестится. Ой, братцы-римлянцы, они же сейчас из-за меня подерутся! Весь ритуал уже давно полетел к лешему. Не-е, зря я Сайрона недооценивала – такую кашу заварил!

– Хорошо, – говорит Нодди с таким видом, будто сейчас кого-то укусит, – я буду беспристрастна и объективна – в говорении Слов мало равных Эленд, и Мастера всех трех Путей без страха отдают свои вещи ей в работу. Но следует обратить внимание и на то, какие именно вещи она выбирает! «Монолог со сцены» – Иссиякающая Сила, еще три – Клеймо Вечного Непокоя...

– А ее собственный «Город из гранита» – Разрешение от Оков, – тихо, но твердо отвечает Лормэ, и довольная улыбка ложится на его губы. – Не вижу ничего плохого в том, что девушка пробует себя в разных направлениях.

– Ничего плохого?! Лормэ, я стала Магистром после долгих лет всевластия леди Наллики. Вы же все только что не прыгали от радости, когда это случилось! А разгребаться в ее наследии – мне. По всему Зодиакальному Кругу рассеяны Мастера и Подмастерья ее выучки – а учить она умела, в

этом ей не откажешь, равно как и в таланте. А чего она и все мы этим добились? Да только того, что Ткущих Узор начали бояться! Я знаю по крайней мере четыре Сути, где моих людей не пускают в священные места и даже к больным – считают, что они способны только навредить. Я своими ушами слышала фразу: «Путь Ткущих Узор уведет тебя под Тень» – это говорил один из Стражей Башни своей подружке, соискательнице. Или ты считаешь, что отсвет этой дурной славы не падет рано или поздно на весь Орден? И станем мы вместо того, чем призваны быть, еще одной порочной силой для мироздания – словно их без нас мало...

– Ну, дорогая Ар-Ньерд, тут ты преувеличиваешь. В конце концов, ты в ответе только за свой Путь, но превыше тебя – Магистр Ливарк, и ему не привыкать...

При этих словах Верховный морщится, словно раскусил зернышко перца. Все в эту минуту подумали об одном и том же – Луг Безумец... но никто не произнесет этого имени вслух, аем-мон lomies... К тому же Нодди, пусть дальняя, но родственница Хозяину, незачем беречь эту рану.

– И вообще не понимаю, при чем здесь Элендис Аргиноль.

– Вы что, считаете меня слепой?! Я уже устала притворяться старым шлангом! Именно потому, что лучше всех вас знаю действительную цену Эленд! Она, конечно, еще молода и неопытна, многого не умеет, но если кто из недоучившихся и способен сравниться по силе и возможностям с Налликой, то только она, и никто другой! А мне второй Наллики не на-

до, я и с одной-то не знала, как справиться. Будь она хоть десять раз достойна поддержки Символа – Словом не убивают, и бьют не Словом. И в этом вы меня не переубедите.

Это правда...

Из-за того, что в последнее время я стала частой гостьей в Башне Теней, наши с Нодди отношения перестали быть отношениями учителя и ученика, и в порыве панибратства я порой говорю ей кое-что лишнее. Сейчас мне вспоминается день, когда на нас обеих напала жажда подвигов и мы, в отсутствие Хозяина, учинили в Башне генеральную уборку. Когда наставник драит закопченные стены возле очага, а ученица разгребаёт гору грязной посуды, оставшейся после недавнего приема гостей (и все это, заметьте, без никакой магии!), поучительная беседа плохо выходит. Но Нодди вряд ли забыла фразу, брошенную тогда мною небрежно и заносчиво: «Мое единственное оружие – печатное слово. В крайнем случае непечатное».

Слово – действительно оружие, с этим ничего не поделаешь, и я это всегда понимала. И если бы у меня был какой-то выбор, если бы моя дорога в Ордене была стандартной: соискатель, ученик и только потом Подмастерье – я хотела бы ступить на Путь Растящих Кристалл, тех, кто велит, а не очаровывает. Как и они, я знаю святость той минуты тишины, которая бывает перед началом каждого Слова. И нет для меня ничего более захватывающего, чем «мгновение ноль», когда на Говорящем сосредоточены все взгляды,

когда, пойманный в перекрестье чужих волей, он впитывает энергию для того, чтобы взять их всех в свои ладони... И это у меня с детства – помню, как я любила представлять себя на месте Йоны Урманы, объявляющей по радио о начале войны! А тайный шепот над кипящим зельем – не знаю, по мне ли? Но...

Но с самого начала моей ведьмовской биографии я была отмечена Лайгалдэ и узнала, что я не просто рядовая ведьмочка, а – Огненная, Леди Огонь, Жрица Танцовщица. И в Орден за руку привела меня именно она, а там Ливарк только глянул мне в глаза – и я сделалась сразу Подмастерьем, но на Пути Ткущих Узор, и иного мне не дано.

Что ж, Ливарк не только Верховный Магистр, но и мой Лорд – он Огненный, как и я (хотя считается, что я этого не знаю, даже внешне он выглядит скорее причастным Ветру). Ему виднее. Да я и сама чувствую, что я иная, сильнее или нет, но их мерки – не для меня. И зря это они про Наллику – я НИКОГДА не стану ею, это в моих технико-тактических характеристиках заложено!

– Ньерд, опомнись! – возмущенный голос Сайрона. – Ты сама знаешь, что Эленд – полная противоположность Наллике, в ней нет тени! Вспомни, что ей под силу «Боргил» Лормэ, а более светлой вещи я в жизни не слышал! Пусть в ее исполнении это не шедевр, но у Наллики, не говоря уж о ее учениках, в жизни с губ не слетит ничего подобного. А кроме того, ее любит Флетчер – единственный, кому за по-

следние пятьсот лет удалось войти в Сияние...

Ну зачем ты так, Сайрон?!

Я утыкаюсь лицом в колени, мне хочется заплакать, не знаю почему. Да, Флетчер – Помнящий. Мало того, он, как и я, имеет то, чего пока лишен и сам Сайрон – Высшее Посвящение, дающее возможность распознавать Тень под любой маской. Но зачем сообщать об этом кому попало, зная, что он всячески это скрывает? В конце-то концов, сейчас, в этой жизни, никакой ни его, ни моей особой заслуги в этом нет. И... А ведь мы никогда не называли наши отношения словом «любовь». Любовь – это как у Хозяина со мной... С Флетчером же это нечто большее, слияние душ превышает слияния тел, когда не нужны слова... И мне так больно всякий раз, когда этого касается кто-то посторонний!

Прикрывая лицо краем плаща, осторожно обвожу круг внутренним зрением. Кажется, никто, кроме Ливарка, даже внимания не обратил – слишком поглощены препирательством.

– Разве смог бы он быть с такой, как Наллика?

– Да что ты это мне объясняешь! Ты это объясни ученикам, которые дразнят власти ее «Песней у костра»! И соискателям, которые шарахаются в коридорах от ее черного плаща!

Матерное слово!!!

В бешенстве я вскакиваю на ноги.

– Долго вы еще будете попрекать меня этими тряпками?

Да, сшила из того черного шелка, который нашла на брошенной квартире Наллики, и не делаю из этого позора! У нее там еще парча была с золотым тиснением, да вуалей черных целый склад – я и этим не побрезговала! А где я что другое возьму, если все деньги в уплату за квартиру уходят?! И так вечно таскаю, что где плохо лежит, и обираю... сами знаете кого! Или, по-вашему, достойнее рыться в тряпье из вторых рук и шить платья из старых штор? На-до-е-ло! Дайте мне работу по контракту – будет у меня и приличный прикид в цветах ауры, а придираться – это вы все Мастера и даже Магистры!

– Успокойся, Элендис, – мягко произносит Ливарк, и я тут же стихаю. – Ты превыше цвета своей одежды – а иначе не была бы ученицей Лайгалдэ. И умный понимает это. Тебя же, Магистр Ар-Ньерд, я понял так: ты считаешь Подмастерье Элендис достойной звания Мастера, но боишься, что она может употребить обретенную силу не во благо.

– В принципе да, – Нодди заливается краской. – Ее характер...

– Что ж, Подмастерье Элендис, придется тебе доказать, что ты пришла из света, тем, кто этого не желает видеть. Тут, кажется, упомянули «Боргил». Так вот мое решение: ты должна сотворить такое же Слово – тоже Возвращающее Суть и не менее сильное. Сделаешь – никто во всем мире не оспорит твоего права на звание Мастера Ордена Слова. Аеп уе-о jthalet.

– Aen ye-o jthalet, – эхом проносится по кругу. Решение вынесено – и кристалл Ливарка медленно гаснет. И в угасающем свете его я вижу жест руки Верховного, подзывающего меня. Я покорно приближаюсь, и тогда он говорит тихо и ласково, так, чтобы не услышали остальные:

– Не переживай, что уходишь отсюда без Мастерского Символа. Так ли уж необходим он той, которая способна почерпнуть силу и вдохновение из простой нитки рябиновых бус?

Глаза его светятся каким-то сдержанным озорством – совсем как у Флетчера, когда он в настроении. В конце-то концов, до того, как сесть в кресло Верховного и сделаться непостижимым для таких, как я, этот деятель наверняка вдоволь пошлялся по Сутям с обтрепанной лютней или гитарой, и «великих и ужасных деланий» на его счету куда побольше, чем у нашей троицы – оттого-то мы так притягательны для него.

Первое мое побуждение – поцеловать ему руку, но я тут же одергиваю себя – я женщина, а он, черт возьми, не мой любовник! – и ограничиваюсь глубоким поклоном.

На выходе из святилища Ордена я нагоняю Ар-Ньерд. Теперь, когда церемония закончена, я имею полное право поговорить с ней как подруга с подругой.

– Нодди, я тебя вот о чем хочу спросить: ты с Удардой давно виделась?

– Не далее как вчера, – Нодди достает из пачки сигарету, закуривает. – А что тебе от нее надо на этот раз?

– Не говорила ли она тебе, что в последние две недели еще одна девушка с Тихой Пристани обрела свое Истинное Имя?

– Вот уж этого не говорила точно, – убежденно отвечает Нодди. – Такие новости мимо меня не проходят. Да и она, думаю, не стала бы о таком молчать – моталец с Тихой Пристани зверь еще более редкий, чем какая-нибудь птица феникс. По-моему, за все время после твоего появления оттуда пришли то ли один, то ли два человека – и точно парни, а не девчонки.

– Значит, эта паршивка таки не вошла в Круг Света, – произношу я раздумчиво. – Ну что ж, теперь я оставляю за собой полную свободу действий. Я ей дала две недели – за это время черта можно было зарегистрировать.

– Это ты о ком?

– Да о Маэстине, моей дорогой сестрице! Выучилась разрывать мироздание, на радостях сбежала из дому, неведомо как добралась до Города и теперь сидит здесь в каком-то, прости Господи, скорпионнике. И конечно же, никаких известий родителям не подает – ах, нам уже семнадцать, круче нас только вареные яйца и Алланнские горы! Да я им и то стараюсь хоть раз в три месяца весточку посылать – все-таки не чужие люди, что бы там раньше между нами ни было... а уж она-то не я, ее отец любил даже больше, чем младших!

– А откуда ты знаешь, что она, как ты выразилась, сидит

в скорпионнике? Может быть, просто живет...

– Как раз на Страстной неделе это наказание мое за все грехи сразу появилось ко мне. И думаешь, в гости? Нет, денег просить – это у меня-то! Оказывается, эта зараза перед уходом сняла все, что было, со своего именного вклада, обменивала здесь на фиолетовые и полгода оплачивала из своего кармана все пиры и пьянки этой гоп-компании. А теперь денежки тью-тью, им там в очередной раз жрать нечего, а тут и праздники подоспели, как на грех... Потому и домой ее не прогонишь – отец за такое дело ее за ноги повесит и будет не так уж неправ. Ну я ей и сказала: шагом марш в Круг Света, и чтоб без Истинного Имени на глаза мне не показывалась. Только тогда «Баклан-студия» возьмет ее на довольство, причем лишь ее одну, а не всех ее недопесков...

– Кого-кого? – переспрашивает Нодди.

– Недопесков! Слово, созвучное слову «недоносок». Я даже формулировку придумала: песец есть зверь белый и пушистый, а недопесок еще не песец, но очень хочет. А Маэстине я пригрозила: за две недели не регистрируешься – так и знай, натравлю на тебя Стражей с полным на то правом, и они доставят тебя назад в Дверис скоростной почтой. Если гора не идет к Магомету, то пусть идет на фиг!

– Уверяю тебя: в эти две недели в Кругу Света не было никого с Тихой Пристани, – мрачнеет Нодди. – Слушай, а тебе не кажется, что если человек не идет регистрироваться даже под угрозой голода и крайне неприятной высылки, то

ему что-то сильно мешает?

– Именно это мне и кажется, – я вздыхаю. – И я уже вполне дозрела до мысли заявиться туда самой и на месте разобраться... кое с кем!

– Запоминай дорогу, – командует Нелли. – И не забудь снять Орденский трилистник. Если уж хочешь играть притусовавшуюся ко мне девицу, выдерживай роль до конца.

– Да-да, спасибо, что напомнила, – я спешно отстегиваю от головной повязки и прячу в пояс знак Ордена. У меня он не совсем обычный – цвета морской волны и темный-темный, почти черный.

– Нелли, а ты уверена, что мое... хм... исчадие прячется именно тут?

– У Влединесс вечно отираются всякие страждущие. Она уроженка Авиллона, ее и без Круга Света голыми руками не возьмешь. Вот и набиваются к ней разнообразные ушельцы...² Я ведь тоже тут отсиживалась, когда первый раз разругалась с Россиньоном – тут всегда и всех принимают.

Нелли – подруга Россиньоля, крепкая и веселая крестьянская девушка чуть моложе меня. Лет семь назад бродячий менестрель Винато проходил мимо ее родной фермы, спел пару песенок, и на следующее утро за ним увязалась девчон-

² Ушельцами народ типа Элендис презрительно называет определенную категорию юных мотальцев, не умеющих ходить по Закону Цели. Для них подсознательно важнее уйти откуда-то, а не прийти куда-то.

ка-подросток. Как впоследствии выяснилось, навсегда – регулярно они с Россиньошем ругаются в дым, Нелли от него уходит, но потом почему-то всегда приходит обратно. За эти годы она много потаскалась за ним по Сутям, узнала жизнь и обычаи мотальцев, приобрела в Городе популярность как искусная рукодельница и в конце концов стала полноправным членом нашего маленького содружества уличных артистов, которое матушка Флетчера зовет «Баклан-студией». Я тоже очень нежно привязана к Нелли – такой хозяйственный и крепко стоящий на земле человек, как она, вносит недостающую стабильность в наше бестолковое существование («все вы у меня личности творческие, а посуду за вас кто мыть будет?»).

– И кстати, когда я тут сидела, я уже знала свое Истинное Имя, хотя и скрывала это от Влединесс, – продолжает Нелли. – Твоя Маэстина вполне может сделать то же самое, и почему не делает, мне не понять.

– Ты тут сидела, потому что не знала, куда податься, – возражаю я. – А Маэстина могла бы жить с Луминно или даже со мной – уломала бы я мадам Гру. Всех моих сестер учили музыке, а она еще и очень способная, так что выступала бы с нами, играла на скрипке и имела свою честную долю в наших деньгах. Захотела бы – поступила бы куда-нибудь доучиться, у меня ведь есть кое-какие знакомства... Так нет же – сидит хрен знает где, голодная, в тряпках с чужого плеча, и упрямится!

– Я этих ушельцев, честное слово, никогда понять не могла, – говорит Нелли с жаром. – Как вообще можно ходить по Сутям без умения считывать язык, брать рассеянную информацию и изменять облик и одежду? Неужели им так больше нравится? Я ведь еще помню время, когда ничего этого не умела – это ж легче застрелиться сразу! В первой же полуоткрытой Суте камнями закидают!

– Насколько я знаю такой народ, они не верят, что все эти способности возникают только в Кругу, – объясняю я. – Что значит полнота сущего и совокупность реализаций, им толковать бесполезно: раз кто-то умеет, значит, и они могут научиться, причем сами. Так сказать, одной лишь силой мысли. А про замысел Творца с ними вообще лучше не говорить – побьют.

– Так уж сразу и побьют?

– Во всяком случае, меня побили. Это давно было, я после обретения своего Имени такая вытаращенная была, что развешивала словеса где надо и не надо. Еще не усвоила, что проповедь не должна быть пропагандой, за что и получила.

У входа в подъезд еще не старая на вид бабушка удерживает маленького внука от поползновений целиком слопать весь кулек пастилы.

– Вы к Влединке, девочки? – завидев нас, она отрывается от своего важного занятия.

– Да, к Влединесс Хинд, – отвечает вместо меня Нелли.

– Опаздываете! – улыбается бабушка. – У нее гости час

назад как собрались, уже поют, – и снова поворачивается к внуку.

– Соседка, что ли? – спрашиваю я Нелли.

– Угу, – кивает та. – Поражаюсь долготерпению этой женщины – другая бы давно на ее месте половину здешних обитателей сдала куда-нибудь. Например, в клинику для опытов. А ей все нипочем, всегда – здравствуйте, до свидания, Влединка, хочешь пирожка с яблоками, я сегодня пекла, такой вкусный!

– В Авиллоне жители вообще святые, – соглашаюсь я. – Я и сама-то не всегда понимаю, как меня мадам Гру терпит.

На лестнице и в самом деле слышно пение. Для разнообразия даже неплохое – какая-то веселая песенка про прекрасную донну и незадачливого ухажера. Я бы не отказалась послушать ее поближе, но к тому моменту, когда мы достигаем седьмого этажа, пение смолкает.

Деревянная дверь покрыта облупившимся лаком, посередине косо выжжена надпись: «ВСЕОБЩИЙ ПРИЮТ». Рядом, прямо на ступеньках лестницы, сидят две девчонки лет шестнадцати и вида на редкость не женственного. У одной в руках малая сирийская арфа, иначе называемая кесминой, у другой магический кристалл, способный запоминать звук – магнитофоны в этом обществе не популярны.

– Привет, – бросает Нелли. – Что, опять Влединка вас на свежий воздух выставила?

– Там сейчас Арлетт Айотти спит, – отвечает та, что с кри-

сталлом. – Влединесс сказала – не мешайте, а хотите петь, идите на лестницу.

– А это кто с тобой? – спрашивает арфистка.

– Так, подружка, зовут Эленд, – лицо Нелли абсолютно невозмутимо. – Одно время странствовали вместе.

– Эленд, а ты Светлая или Темная? – спрашивает меня девчонка с кристаллом. Меня невольно умиляет эта детская непосредственность.

– А ты как считаешь? Ты-то сама какая?

– А я ни за Свет и ни за Тьму, – произносит она со значением. – Я за Всемирное Равновесие! – все эти большие буквы видны в ее речи невооруженным глазом.

Вот экспонат!.. О боги мои, почему, если их некому пороть, я должна заниматься еще и этим?! Мне своей Маэстины выше крыши хватает! Черт возьми, мне тоже когда-то было шестнадцать, но почему-то в ту пору я и выглядела, и вела себя совсем иначе!

Я выпрямляю спину, откидываю голову назад – то, что Флетчер называет «позой владычицы».

– Юная леди, там, откуда я родом, считается дурным тоном, когда головная повязка висит на ушах, да еще и не прикрытых волосами! – отчеканив эту высокомерно-изящную фразу, я с каменным лицом прохожу мимо ошалевших девчонок в незапертую дверь «ВСЕОБЩЕГО ПРИЮТА». Нелли следует за мной, украдкой показывая мне большой палец.

Дверь в одну из комнат плотно притворена. В другой ком-

нате на полу сидит сразу много народа – женщин больше, чем мужчин, но основная часть ничем не лучше тех двоих на лестнице. То, что простительно девчонкам, девушкам моих лет и старше простить трудно – а средний возраст народа именно таков.

В углу, невзирая на шум, кто-то спит, завернувшись в грязное одеяло – явно не Арлетт Айотти, судя по размеру торчащих ног. В центре комнаты постелена клеенка, на ней – чайник, банка абстрактного варенья, немного хлеба и много чашек разной степени наполненности. Если мне скажут, что это весь сегодняшний обед данной компании, меня это не удивит. Зато накурено – хоть топор вешай. Блинн, сразу глаза резать начало... я торопливо бормочу себе под нос простенький блоккодификатор, стараясь не думать о том, как буду выводить из организма эту дрянь.

На шкафу батарея пустых бутылок – тут и «Айренеса», и «Золото кланов», и лаорийское всех цветов, и даже пара емкостей из-под невероятно дорогой и божественно вкусной «Молитвенной чаши». Вот, значит, как здесь миры спасают... на червонцы Леопольда Ковенски, отложенные в приданое старшей дочери! Поймаю Маэстину – убью! Исключительно из общих соображений, в назидание потомкам. Да, кстати, что-то не вижу я среди этого сборища своей сестренки...

– А Маэстина с Эвераром гулять ушли, – шепчет чей-то голос в ответ – не на мои мысли, а на вопрос Нелли. – Вроде

должны через час-полтора вернуться, если только не забредут в соседнюю Суть.

Придется ждать. Сие скучно и противно почти до рвоты, но увы, неизбежно.

Пока Нелли заводит беседу с кем-то из прежних знакомых, я тихо пробираюсь в угол комнаты и устраиваюсь на широком подоконнике, полуприкрывшись занавеской. Вроде бы меня и нет здесь, а тусовка как на ладони. Да и концентрация дыма тут не столь убийственная – форточка открыта.

Прислушаться, что ли, для разнообразия, о чем треплются недопески, все-таки не для того я сюда пришла, чтобы уйти в себя и вернуться не скоро...

– ...Нет, все, у меня руны совсем подошли. На секунду отвлеклась, а Эолена давай их руками лапать, всю настройку сбила. Теперь как ни разбросай, все какую-то чушь несут.

– Слушай, не мне тебя учить, но если так трясешься над энергетикой – поработала, тут же сложила в тряпочку и убрала подальше, а не бросила мешочек на видном месте, как это у тебя водится...

– Знаешь что, дорогой, есть еще такая штука, как профессиональная этика! А тех, кто не понимает, что рабочий предмет должен знать только руки хозяина, надо давить! Ну ничего, вот пусть только придет сюда еще раз – мы ее всей командой так приложим!..

– ...А что я вообще мог поделатъ один против пятерых?

Так и выбирался почти трое суток, с одной булкой и флягой воды...

– Ну, это еще не самое страшное.

– ...и без единой пылинки курева!

– Ой, тогда верю. Вот это действительно задница!..

– ...И это называется песня? Прошу прощения, но у меня абсолютный слух, мне это – как тебе ножом по стеклу! Пусть петь я и не умею, не всем дарован голос, но если я лажаю, то что тогда делает Тив?

– Инта, он наемник, а не менестрель. Его слушают не ради искусной игры, а потому, что он поет правду. Правду, понимаешь? Нет, тебе не понять, ты же никогда не сражалась и не теряла друзей в бою, так что для тебя его песни – всего лишь немзыкальный крик...

– Ты зато великая воительница! Тот же Тив говорил – без тебя в Тисоне ни одна кабацкая драка не обходится. Пользуешься тем, что большая часть мужиков, прежде чем ударить женщину, сначала все-таки подумает...

– ...есть способ. Только Лэри говорит, что для этого специальный нож нужен, сплав из семи основных металлов. Просто выставляешь руку вперед и проходишь.

– Вам с Лэри легко говорить – вы с ней обе полуэльфы. Думаешь, у меня тоже получится? Да и где я такой нож возьму?

– Ну, нож можно и заказать, вот Лэри появится – спросим... Только умоляю тебя, хотя бы при нем не употребляй

женский род в обращении! Иначе он и разговаривать с тобой не станет!

– Прости, все время забываю, что она андрогин... э-э, а за ухо-то зачем?..

– ...Так что, Стражи Хедваля силой в этот Круг запихнули?

– Да нет, похоже, что сам пошел. Струсил!

– И что теперь?

– Да вот видела его Эсс не далее как позавчера. Идет, сияет, словно пятак свежей чеканки. Эсс – к нему, мол, что ж ты не показываешься, тут у Данни третью неделю депресняк. А Хедваль сразу лицом поскуучнел и говорит так высокомерно: «Если человек хочет, чтобы у него были проблемы, у него будут проблемы. Возитесь и дальше со своей Данни, а с меня хватит!» Развернулся и ушел не прощаясь.

– Тогда понятно, почему его Круг выпустил. Я и раньше подозревал, что он не совсем наш. Помнишь, когда Птица новую песню пела, Хед ко мне перевесился и шепчет: «Слушай, почему она так орет? Кто у нее отбирает эту самую свободу?»

– Помню. Пожалуй, оно и к лучшему, что теперь его нет среди нас...

В который уже раз за свою многотрудную и многогрешную жизнь я возношу хвалу Единой за то, что, уйдя из дома по Закону Истока, я сначала попала в Рябиновый Дол, потом поучаствовала в Войне Шести Королей, познакомилась

с Пэгги, и лишь после этого, поднабравшись опыта и получив Истинное Имя, впервые узрела подобный, мать его, серпентарий! Окажись я на месте Маэстины... да после одной лишь недели в таком террариуме Тихая Пристань показалась бы мне лучшим из миров.

Меня трудно назвать терпеливым человеком – но сейчас я сижу за своей шторкой, сосу конфету, которую кто-то не глядя пихнул мне в ладонь, и молчу. Молчу, хотя могла бы сказать им, что в плане биоэнергетики нет большой разницы – коснулись руны или просто близко поднесли к ней палец, указывая. Что в штампах типа «но этот мир еще запомнит доспехов лязг и звон мечей» нет ни грана правды, особенно если проорать это на бешеном надрыве. Что помянутый Хедваль, похоже, не только не трус, но и весьма неглуп. И что никакой полукровка (в особенности если его смертная кровь от отца) никогда не будет называть себя «полуэльфом» – это ругательство, страшнее которого настоящие Нездешние не знают ничего. За такое даже на дуэль не вызывают, а просто дают в морду на месте...

Да и что это вообще такое – спасти миры? Детство... Тот, кто мудр, знает, что борьба всю жизнь шла за души, и только за них...

Но зачем говорить вслух все эти банальности, да еще людям, которые в принципе не способны тебя услышать? Вячаться в бессмысленный спор – значит опуститься до их уровня.

Терпи. Ты пришла сюда за своей сестрой. Затем, чтобы она не превратилась окончательно в одно из этих созданий с труднопостижимой логикой. Вот ей и будешь прочищать мозги, если припала такая охота к ассенизаторской деятельности...

– ...Так, люди и нелюди, кто-нибудь знает, водится ли в этой дыре кофе или вымер как класс? А то я прямо сейчас помру, – женский голос, низкий, звучный, но грубоватый, словно пропитый и прокуренный насквозь. «Арлетт Айотти!» – проносится шелест по комнате. Я аккуратно выглядываю из-за занавески, желая взглянуть на местную достопримечательность, чей сон не положено тревожить бречением на арфе.

Она довольно эффектна – даже сейчас, помятая со сна и явно похмельная. На вид вроде бы старше меня лет на пять или шесть. И странное лицо... глаза слишком светлые для того, чтобы цвет этих смоляных волос был настоящим. А одета значительно лучше большинства присутствующих, белый костюм – узкие брюки и блуза из тонкого шелка – выгодно облегает фигуру, крепкую, но стройную. Если бы не этот ее кошмарный голос...

– Сейчас я сварю, лоини Арлетт, – Влединесс, худенькая неприметная девушка в сиреновом халатике, срывается со своего дивана и пулей вылетает за дверь. – Я специально оставила немного...

«Лоини»? Даже так? Мне делается совсем интересно, и я

высовываюсь из-за занавески более чем наполовину.

— Тогда кто-нибудь, дайте сигарету больной женщине, пока оно там варится, — Арлетт проходит к дивану и уютно устраивается на том самом месте, с которого согнала хозяйку. Вокруг нее тут же образуется кольцо готовых почтительно внимать, и из него тянется несколько рук с сигаретами и огнем.

Похоже, сейчас начнется вещание. Вот уж это несомненно имеет смысл послушать — эта Арлетт из тех, кто привлекает к себе внимание с первого взгляда, и здесь, судя по всему, является прямо-таки культовой фигурой...

Но именно тут ко мне протискивается Нелли. За ней следует некое существо неопределенного пола — худенький подросток не старше четырнадцати лет, с огромными глазами и длинными пушистыми волосами солнечного цвета. Явно Нездешняя кровь, хотя процент оной на глаз не определяется.

— Вот, Имлаанд, это Эленд, — представляет меня Нелли. — Эленд, а это Имлаанд Эрхе из Хани, из семьи целителей. Представляешь, родители отправили это создание в первый самостоятельный путь — дойти до Города и войти в Круг Света...

— Знаю, — отвечаю я. — Многие целительские или жреческие кланы практикуют такое. Так в чем же дело?

— А дело в том, что Хани отстоит отсюда то ли на восемь, то ли на девять шагов сквозь мироздание. И вот по дороге

создание наткнулось на эту самую Арлетт. А она вбила ему в голову, что в Круг Света входить смертельно опасно. И теперь создание не знает, что делать: и в Круг идти боится, и домой вернуться не может, не исполнив заданного. Так и сидит у Влединесс уже полтора месяца. И сидеть здесь ему хреновохреново...

– Так что можно я у тебя немножко поживу, Эленд? – тихим голосом довершает Имлаанд, краснея от неловкости. – Нелли говорит, что ты добрая...

– погоди, – я кладу руку на хрупкое плечико. – Давай сначала разберемся, почему ты боишься войти в Круг. Тебя же послали твои родители, а родители не могут желать тебе ничего плохого.

– Наверное, не могут, – Имлаанд хлопает длинными ресницами. – Но лоини Арлетт тоже не желает мне ничего плохого, а она говорит – Круг отнимет мою свободу...

Так, эту песенку мы уже слышали и раньше. Ушельцы просто патологически помешаны на свободе. Причем свобода эта понимается ими прежде всего как независимость от любого долга и любой ответственности. И уж никоим образом не как «возможность самому определять пространство принятия решений», как учила меня Лайгалдэ.

– А почему ты считаешь, что Арлетт желает тебе добра? Она же для тебя абсолютно чужой человек.

– Меня хотели убить в одном из миров. Кричали – «нелюдь, нелюдь»... А она вступилась, отняла меня у тол-

пы и помогла дойти сюда. Только говорит – мои родители не знают всей правды, потому и послали меня вот так. А правда в том, что Круг не только дает, но и отбирает взамен.

А вот это уже зацепка! Я быстро оглядываюсь на Арлетт, но та оживленно грузит своих адептов и не обращает ни малейшего внимания на нас двоих – Нелли уже снова убежала с кем-то общаться...

– А поподробнее не можешь объяснить, Имлаанд? Твои родители наверняка сами входили в Круг, когда были моложе, но ведь они не считают, что потеряли от этого нечто, иначе не послали бы тебя.

– Я попробую... Лоини Арлетт говорит – у каждого человека есть тень. И так должно быть, потому что не может быть света без тьмы и дня без ночи. Тень нужна, чтобы человек был в равновесии...

Блинн... Мать моя женщина, а ведь начало срастаться! Эти девчушки на лестнице, помнится, тоже размахивали каким-то Великим Равновесием.

– ...Но раз это Круг Света, то он и хочет, чтобы люди служили только свету, и делает их как бы своими частичками. Лоини Арлетт сказала – винтиками в машине, но у нас нет машин, я плохо понимаю, что это такое... Вот, а для этого он отбирает у людей тень, и они уже ничего не делают неправильно, потому что знают, как надо. И им уже никогда не больно по-настоящему, а лоини Арлетт говорит – кому не больно, тот не человек.

– Имлаанд, – перебиваю я, – но почему бы не допустить, что Круг просто делает людей сильнее и умнее? Разве тебе не хочется этого?

– Да, но лоини Арлетт говорит – слабость есть тень силы. Отними слабость – опять нарушится равновесие. А только человек в равновесии по-настоящему свободен.

– Так ты боишься потерять свободу? – спрашиваю я как можно ласковее, хотя внутри меня все уже кипит от ярости. Так бы и натравила Стражей на эту Арлетт, но это называется «настучать» и является поступком в высшей степени неспортивным...

– Нет, я даже не этого боюсь. Просто лоини Арлетт еще сказала, что люди на самом деле делятся на простых и вольных. На тех, у кого можно отобрать свободу, и на тех, у кого нельзя. Первых намного больше, и они, выходя из Круга, даже не замечают, что утратили что-то. А вольные в Круге просто сходят с ума, – Имлаанд опускает глаза и договаривает еле слышно: – И я – из вольных. Лоини Арлетт говорит, что только поэтому и спасла меня, что я – как все они, а не как простые люди...

Мне приходится укунить себя за руку, чтобы сдержаться. Нет, методика вербовки адептов поражает своим изяществом – страх либо сойти с ума, либо оказаться не в числе избранных... Так, я спокойна, я очень спокойна, я не хочу набить морду Арлетт, морду Арлетт набью не я, это делают и без меня! А я пока буду решать логическую задачку:

как объяснить, что такое принцип копирования, детенышу из мира без машин?

– Знаешь, Имлаанд, Арлетт, кажется, тоже знает не все. Давай я тебе попробую объяснить. Ты ведь доверяешь мне?

– Ага, – улыбается Имлаанд. – У тебя глаза, как у моей старшей сестры.

– Так вот, если ты прочитаешь книгу, ты ведь возьмешь из нее нечто. Возьмешь знание, и оно будет уже в двух местах – в книге и у тебя в голове. Но ведь от этого знания в книге меньше не станет, и ее сможет так же взять и прочитать любой другой человек. А теперь представь, что в ту же книгу забралась мышка. Она не будет читать книгу, а просто съест страницу из нее. При этом она тоже получает нечто – пищу себе в брюшко, – но книги становится меньше. Понимаешь?

– Конечно, понимаю, – кивает Имлаанд. – Это очень просто.

– А теперь пойми: Круг Света читает входящих в него, а вовсе не ест. Он получил то, что могли дать ему твои родители, и взамен дал им новые возможности. Но ни его, ни их от этого меньше не стало. Так как же он может что-то отобрать у тебя, будь ты хоть трижды из вольных?

Имлаанд морщит лобик в задумчивости.

– Ты говоришь так, что хочется верить. Когда народ разойдется, я обязательно спрошу у лоини Арлетт, что она думает по этому поводу.

– Спроси, – улыбаюсь я. – Но что ты будешь думать, если

она скажет тебе, что я говорю неправду?

– Тогда... Тогда решить смогу только я. Ведь проверить, кто из вас лжет, я не в состоянии.

– Вот и правильно, – я не отказываю себе в удовольствии прикоснуться к пушистым волосам. – Так всегда и поступай – учитывай чужое мнение, но решай самостоятельно. И на всякий случай запомни мой адрес: сектор Девы, улица Седьмая Сосновая, дом шестьдесят шесть, на девятом этаже спросить мадам Гру, а потом Элендис...

Имлаанд уходит, и теперь я могу не сдерживать более своих эмоций. Трать-тарарать-тарарать и еще раз трать! Если и Маэстине этим закомпостировали мозги – неудивительно, что в Круг Света ее на аркане не затащишь. Сколько я помню, моей милой сестрице всегда нравилось думать, что она не такая, как все, а лучше, талантливее, в общем, избраннее.

Арлетт тем временем берется за кесмину и начинает что-то вопить – разумеется, тоже о Свободе и Равновесии. Что-то типа: «Дайте белому лебедю черную песню, дайте черному ворону белое небо» – слова абсолютно не запоминаются, напор же такой, что удивительно, как с потолка штукатурка не сыплется. О боги мои, ну где же эта паршивка Маэстина, за какие грехи вы заставляете меня терпеть еще и это!

«Странник, ты чего такой грустный?» – «Я букву „т“ потерял...» Почему им всем так нравится быть проклятыми?!

– ...Что с тобой? – я и не заметила, как ко мне подкралась эта девчонка в черной шляпе. Похоже, одна из самых верных

адепток Арлетт – насколько я помню, та приняла сигарету именно из ее рук. – Тебе плохо?

– Нет, – бросаю я сквозь зубы. – Просто я не в силах слушать эту песню! «Дайте, дайте...» серому страусу красные ноги, блинн!

Глаза девчонки неожиданно загораются странным блеском:

– Я знаю, тебе больно, – произносит она с какой-то неестественной интонацией. – Но ты все равно слушай, слушай – и тебе станет лучше!

Внезапно она умолкает, окидывая меня странным взглядом. Конечно, от местного стандарта «унисекс» мой внешний вид отличается весьма сильно – широкие черные брюки, корсаж на шнуровке, россыпь браслетов и ожерелий и искрящаяся лента на голове...

– Ты слишком красива, – никогда прежде я не видела у человека такого взгляда – одновременно зрячего и слепого. – Ты не человек, да? Ты не такая, как все люди?

– А если и так, что с того? – О Господи, неужели она учуяла во мне одну из Братства?

– Я знаю, – словно в трансе, повторяет она. – Не бойся меня, леди – я выпью твою боль. Я помогу тебе!

Я стискиваю зубы. О нет, только не это – четыре года небеса хранили!!! Но уже поздно – она скользнула рукой по моему обнаженному плечу и крепко стиснула мою ладонь...

Вынужденное отступление: хотите знать, после чего я на всю жизнь перестала верить в жалость?!

...Тогда мне едва-едва исполнилось восемнадцать. Был благословенный конец лета, пора урожая, тягучие золотые дни сразу после Дня Благодарения. Время меда, вина и яблок. Яблок в тот год уродилось на удивление много, крупных, ароматных, с нежной полупрозрачной кожицей – не белой, не желтой, не зеленой, а понемножку всего... И мы с Ауре почти непрерывно ели эти яблоки, и любили друг друга на яблоках, насыпанных для переборки на пол большого деревянного сарая...

Я не знала, как называлась эта Суть где-то на полпути между Тихой Пристанью и поворотом на Озу. Я не знаю этого и сейчас и зову ее просто – Мир Яблок. Милый мир, к которому очень шло слово «старомодный», что-то сентиментальное с налетом прошлого века.

Меня затащила туда моя тогдашняя подруга Брендас. Мне тогда позарез нужны были деньги, а Брендас была родом из этого мира и уверяла, что хозяйка поместья Лиловые Луга очень неплохо платит сборщицам фруктов. Я согласилась и не пожалела – это была не работа, а праздник! Упоительное тепло догорающего лета, напоенного всеми ароматами сада, звонкие голоса девушек, веселый смех, торопливая закуска

прямо под деревьями – о, как она была вкусна, самая простая еда! Все девушки были местные, из окрестных сел, и я вполне закономерно оказалась самой легкой среди них. Поэтому именно мне все время приходилось взбираться выше других, чтобы достать самые далекие – и конечно же, самые лучшие – яблоки. Лишь мне одной было позволено лазать по веткам – мой вес они выдерживали без труда. Я просто упивалась своей силой и ловкостью, висая на ветках и швыряя яблоки в подставленные подолы, я прямо-таки плясала на этих ветках, и голос мой звенел над садом громче всех прочих.

Вот там, в этом воистину райском саду, и настигла меня моя первая любовь, настигла весело-недоуменным вопросом: «А кто она такая и почему ее так заметно?» Я свесилась с ветки вниз головой и доходчиво – разумеется, в пределах своей легенды в этом мире – объяснила молодому человеку с темной бородкой, кто я такая. И очень удивилась, когда он пригласил меня вечером прогуляться с ним по берегу реки. Помню устремленные на меня с завистью глаза всех без исключения девушек: «Ну и свезло тебе, Линдас! Это же самый молодой лорд Ауре, единственный сын хозяйки Лугов!»

Конечно же, я пришла. Еще раз повторяю – мне было только восемнадцать, я всего четыре месяца как знала свое Истинное Имя, и все мироздание представлялось мне увлекательной игрой. И ласковый ко мне мир не обманул меня и на этот раз – Ауре действительно заинтересовался мною как личностью. Любая из девушек в саду, не исключая, пожалуй,

и Брендас, с радостью раздвинула бы ноги перед наследником Лугов – но он выбрал меня.

Сказочные, невероятные два месяца... Каждый вечер мы с Ауре бродили по берегу реки с чудесным именем Онето, по тем самым лугам, которые дали имя поместью, и рощицам, где деревья уже примеряли алые с золотом наряды.

Я влюбилась в Ауре почти мгновенно – мне для этого и сейчас-то немного надо, а уж тогда... Я читала ему свои стихи, а он рассказывал мне о столице, где он учился в совсем недавно организованном Политехническом институте, и о первой в стране железной дороге, в прокладке которой он собирался принимать участие... От Онето поднимался туман, а мы сидели на высоком берегу реки, вдвоем закутавшись в его накидку, и мечтали взахлеб. Я рассказывала ему о достижениях моего мира с таким видом, словно это только что пришло мне в голову. Ауре, увлекаясь, иногда начинал набрасывать прямо на песке какие-то расчеты, а после поднимал на меня сияющий взор и говорил, что такой ум – огромная редкость для женщины даже его круга, но еще большая редкость – сочетание такого ума с такой красотой... И все чаще моя рука задерживалась в его руке, и все решительнее мои пальцы пробирались под манжет рубашки Ауре и скользили вверх, к локтю...

А потом я тайком прокрадывалась в дом, где спали сборщицы, влезала под одно одеяло со ждущей меня Брендас и задыхающимся шепотом излагала ей новые подробности

своих походов. По всем признакам это была та самая воспетая поэтами первая любовь, а такой любви, по строгим канонам Тихой Пристани, была положена верная хранительница тайн, подруга, наперсница и поверенная... Брендас казалась мне идеально подходящей на эту роль – ее дыхание замирало в темноте, и она переспрашивала: «Ну? А что он?» – и вздыхала, не скрывая зависти: «Ох и счастливая ты, Линдас...»

И когда то, что не могло не случиться между нами, наконец случилось, я не утаила от Брендас и этого – да и разве можно было не похвастаться таким счастьем! Мой светлый лорд, мой самый первый, тот, кто сделал меня женщиной – и я до сих пор благодарна ему за то, как это произошло. Он был всего на три года старше меня, и так боялся своей неловкостью причинить мне боль, и был очень обрадован, когда обнаружил, что замка на моих воротах давно уже нет... в первый раз за все время после ухода с Тихой Пристани я возблагодарила своего гинеколога.

Это случилось в конце третьей недели наших прогулок. Вскоре начало холодать, и из прибрежной рощицы мы перебрались в сарай-сушильню для яблок. Мы любили друг друга, а потом настежь открывали дверь сарая, и Ауре показывал мне созвездия, называя их именами своей Сути. Так мы и засыпали там, среди густого яблочного аромата, укрывшись его накидкой – в эти ночи я вообще не возвращалась в дом сборщиц.

И наконец, настал день, когда Ауре надо было возвращаться в город. До начала его занятий оставались три дня.

О том, что он уже помолвлен с какой-то там Джеммис из соседней усадьбы, я слышала от него и раньше – слышала, но старалась об этом не задумываться. И вот теперь Ауре собрался плюнуть на эту помолвку, предложив мне тайком уехать с ним и там, в столице, обвенчаться...

В третий раз повторяю – мне было всего восемнадцать лет. А кроме того, я, при всем своем ведьминском свободомыслии, все же выросла на Тихой Пристани!

На следующий день я, как и было уговорено, в полдень была на холме, под старым буком. Но Ауре не появился и в шесть вечера... Не буду описывать свои тогдашние эмоции – пошло все это и банально, особенно с высоты теперешних моих лет. В общем, где-то около восьми, уже в темноте, я вернулась в дом сборщиц с лицом, покрытым соленой коркой от высохших слез. Одно желание оставалось у меня – ткнуться головой в грудь Брендас и обрести слабое подобие утешения, которое лучшая подруга в такой ситуации просто не может не дать.

Брендас поджидала меня на крыльце.

– Явилась! – начала она первая. – Вижу, не удался романтический побег?

– Ох, Брендас... – я замешкалась, не зная, как лучше начать свои излияния, но их и не пришлось начинать.

– А между прочим, по твоей милости всех семерых, кто

живет в нашей комнате, выгоняют без расчета! Хозяйка сквозь пальцы поглядывала на ваши прогулки с Ауре, но когда узнала, что он хочет обвенчаться с какой-то наемной работницей, приказала ему ехать по реке, а нас...

В первую минуту я ничего не поняла. Ничего я не поняла и во вторую, ибо была просто оглушена. И только в третью минуту мой ум, так ценимый Ауре, пробудился от романтической спячки.

— А откуда хозяйка вообще знает об этом, а? Ауре должен был уехать как всегда, никаких особенных хитростей мы применять не собирались. А кроме нас, о побеге было известно только...

— Да мало ли от кого! Кто-то из девчонок по дурости сказал чересчур громко — вот и нашлись уши, которые услышали... Кто ж знал, что она не станет разбираться, а выгонит всех!

— Кто-то из девчонок? — все мои слезы моментально высохли, в лицо ударила волна жара. — А кто разболтал девчонкам? Не ты ли, подруженька?! Я же тебе одной говорила, подальше от чужих ушей...

— Да господи, что ты такого рассказала, чего никто не слышал? Девчонки и сами к нему под бок не прочь были, они за тебя, между прочим, переживали искренне, расспрашивали меня...

— И ты отвечала?!

— А что тут такого? Или делать ловко, а чтоб другие знали

– неловко?

Тогда я еще не знала, насколько деструктивен бывает мой гнев – не помня себя от ярости, я рванула Брендас за волосы... Вспыхнули они мгновенно – я и понять ничего не успела, еще раза два ударила наотмашь по чему попало... И только когда занялся ее шейный платок, и на ее дикий вопль начали выскакивать из дома другие девушки, я сама завизжала как ненормальная и бросилась бежать – все равно куда, только подальше, ибо в тот момент я сама до полусмерти перепугалась того, что натворила...

После этого я месяц отсиживалась у Пэгги, не решаясь сунуться ни в Авиллон, ни в Мир Яблок. Сейчас я поступила бы иначе, но тогда стыд сковал всю мою логику, как лед ноябрьские лужи. Этого месяца хозяйке Лиловых Лугов хватило на то, чтобы ускорить брак сына и его нареченной Джеммис. Когда я снова объявилась в Мире Яблок, было слишком поздно, и то, что Ауре обещал никогда не забывать меня, было воспринято мною не как утешение, а как утонченное издевательство. Меня, женщину конца двадцатого века, эта покорность материнской воле оскорбила в лучших чувствах.

Если вдуматься, все это было для меня только благом – хороша бы я была, так рано связав себя семьей, да еще на такой Сути! Но тогда это просто не приходило мне в голову. Я действительно безумно любила Ауре и потому не помнила себя от горя.

В таком состоянии я вернулась в Город-для-Всех – и об-

наружила, что никто из моей прежней компании не подает мне руки. Это было не просто осуждение – нет, отлучение от всего совместно пережитого, лишение права на уважение, клеймо навеки! Я пыталась хоть в ком-то найти сочувствие, но все, как один, тащили из перманентной депрессии невинно пострадавшую от моей руки красавицу Брендас. То есть бывшую красавицу – мои прикосновения оставили борозды страшных ожогов на ее лице и шее. До сих пор гадаю – известно ли было им, **за что** я ударила Брендас, или нет? Или им просто было все равно?

(Между прочим, сейчас я знаю не меньше десяти целителей, которым под силу уничтожить такие рубцы без следа. И никогда не поверю, что никто из них тогда не знал – хотя бы одного...)

Боль от потери Ауре слилась для меня с болью от потери друзей в одну чашу – и не думаю, что та, которую Спаситель просил пронести мимо него, была сильно горше... Вот после этого-то я раз и навсегда утратила веру в три вещи: в романтическую любовь до гроба, в так называемых лучших подруг и в людскую жалость.

Ибо все эти девочки и мальчики с горящими глазами утешают того, кого считают достойным утешения, но никак не того, кто и вправду в нем нуждается. Того, кого боль толкает веной на бритву, но не того, кому она вкладывает в руки меч. Того, кто умеет эффектно страдать, но не того, кто больше любой непристойности стыдится собственной слабости.

сти! А я... я же тогда совсем не была сильной, но все равно сумела выкарабкаться без посторонней помощи, сама – слава богам, учеба у Лайгалдэ и в Ордене отвлекли меня от моей маленькой трагедии. И с тех пор я и воспринимаю как оскорбление любую жалость по отношению к кому бы то ни было.

Правых – не жалеют! Сильных – не спасают!

* * *

...В последнюю секунду, судорожным усилием, которое даже нельзя назвать волевым, мне удастся смягчить силу выброса – и девчонка в черной шляпе с коротким сдавленным криком отдергивает руки. Ладони ее теперь ярко-розового цвета, она дует на них, даже лижет, и лицо ее искажено судорогой настоящей, а не придуманной боли. Ничего страшного, это всего лишь ожог первой степени, немного масла, немного покоя – и все само пройдет. Вот и на обшлагах ее старенькой куртки армейского покроя нет и следа огня, хотя вообще-то синтетика занимается мгновенно. Разве что обуглился край вылезшей нитки...

– Зачем ты так? – доносится до меня ее голос сквозь клубящийся ало-золотой туман, который я никак не могу изгнать из своего сознания. – Ведь я желала тебе только добра!..

– И вот так будет со всяким, рэссла вирз, спасателем, кото-

рый попытается сунуться не в свое дело, – машинально произношу я, с трудом сползая на пол – колени трясутся, ноги держат кое-как. И все плывет, плывет, словно я резко выпрямилась в душной ванной... я хорошо знаю это состояние, когда замедляется субъективное время, знаю по урокам Лайгалдэ. Краткий энергетический коллапс, он проходит достаточно быстро.

Когда мир вокруг меня снова обретает внятность, я уже окружена тесным кольцом недопесков. На разные лады повторяется одна и та же фраза: «Она ударила Данни огнем!» (значит, это и есть Данни? Вот и познакомились, трать-тарарать...) Многие неумело изгибают руки в защитных жестах. А прямо передо мной – глаза в глаза – стоит Арлетт Айотти.

– Кто ты и что тебе здесь надо, саламандра? – я осознаю смысл последнего слова и тут же понимаю, что на самом деле она сказала «аньоо-ллах», что-то вроде «дух или живое существо пламени». Слово языка ломизэллаи – родного языка печально знаменитой леди Наллики.

Все, вот теперь окончательно срослось – и черные волосы при светло-серых глазах, и имя Айотти. Я правда, знаю едва ли два десятка корней этого языка, который не в силах освоить никто, кроме его носителей, ибо организован он вопреки всем лингвистическим законам и правил там, по-моему, нет вообще – одни исключения. Но если память мне не изменяет, «айо-оти» на сем странном наречии означает что-то

вроде «милосердия».

Есть такая раса Нездешних – лаййи теней, чаще именуемая кланом Черной Звезды. Особенность ее в том, что она способна оптимальным образом улавливать и использовать энергию отрицательных эмоций – смертных, в меньшей степени других Нездешних. Поэтому о них говорят, что они «питаются болью» и откровенно их недолюбливают. Но на самом деле человеку, пообщавшемуся с лаййи теней, обычно быстро делается лучше – ведь они забирают себе его отрицательный потенциал.

Как и все истинные лаййи, клан Черной Звезды весьма неохотно покидает места обитания, поэтому среднему mortalцу известно о них не так много. Однако в остальном они – те же лаййи, и если смертную женщину угораздит лечь с одним из них...

Вот тогда спасайся кто может! Ибо для получившегося гибрида отрицательное эмоциональное поле – единственно возможная среда существования. И если только он не помрет от энергетического дисбаланса годам этак к двадцати, то научится искусно провоцировать и поддерживать вокруг себя это самое поле. А если учесть, что, как и любая первая производная лаййи и человека, данный гибрид не любит жить подолгу на одном месте...

В общем, от Наллики, успевшей стать в Ордене притчей во языцех, стоящая передо мной дама отличается, похоже, лишь большей агрессивностью и (я очень на это надеюсь!)

меньшим талантом к сложению и Говорению Слов.

Все это проносится у меня в голове за какую-то пару секунд, после чего я мгновенно осознаю, как надо действовать.

Медленно, очень медленно, чтобы все прониклись, я обвожу расфокусированным взглядом это сборище энергетов-дилетантов, которое пытается меня «удержать»...

– А ну все на метр от меня, – выговариваю я негромко, но предельно внятно. – А то еще кого-нибудь обожгу по чистой случайности, – и резко выбрасываю вперед ладонь. Сработало – недопески мгновенно отшатываются назад, одна Арлетт стоит неколебимо. Из задних рядов доносится чей-то почти плачущий возглас:

– Что же ты, Риаль? Ты же Повелевающая Огнем, сделай что-нибудь!

– Ха-ха три раза, – мрачно отзывается та, которую называли Риаль. – Сама лезь с голыми руками на саламандру-оборотня.

Я невольно ухмыляюсь, услышав сие, и кажется, это пугает их еще больше.

– Можешь называть меня саламандрой, если тебе так больше нравится, – теперь я сосредоточена исключительно на глазах цвета мартовских луж. – Вообще-то я Линда Угне-ла, старшая сестра некой Маэстины Ковенски. Тебе ничего не говорит это имя?

– Зачем ты причинила боль Данни? – Арлетт, видимо, не пожелала услышать мои последние слова.

– Для профилактики, – я принимаю максимально наигранную позу вызова. – Чтоб больше никогда в жизни не совала пальцы в розетку. Если уж совсем честно, я предпочла бы причинить эту боль тебе. Ты же считаешь, что тот, кому не больно – не человек, не так ли?

В полированной дверце шкафа я вижу свое отражение – волосы разметались, ожерелья перепутались и вообще вид такой, словно вот-вот кинусь и начну когтями рвать. Ушелльцы видят то, что хотят видеть. Сейчас я играю и не боюсь переиграть – пусть они боятся, мне так даже проще. Ну не могу я уйти отсюда, не надавав по мозгам этой Арлетт! Впрочем, я и так уже, кажется, доставила ей пару приятных минут. Удивительно, как у нее от моей ярости – а это ведь тоже отрицательная эмоция! – до сих пор понос не случился.

– Ты хочешь меня убить, да, саламандра? – спокойно бросает мне в лицо Арлетт, будто всю жизнь ждала этого.

– Ну зачем сразу убивать, энергию тратить, – отвечаю я с демонстративным презрением. – Вот зашвырнуть бы тебя куданибудь очень далеко, чтоб под ногами не путалась и детям тутошним на мозги не капала!

Ситуация, преследующая меня с раннего детства и посейчас – «девочки дерутся»... может, просто из-за ощущения себя ничуть не похожей на других женщин? Но как бы то ни было, такое случается со мной не реже трех раз в год – только в детстве это были таскания за волосы, а сейчас – дуэли, блинн, на атрибутах и архетипах...

– ...Ну-ка, ну-ка, что здесь происходит? Что тут у вас за бардак?

В дверях комнаты неожиданно обнаруживаются три фигуры в серой с серебром форме, которую я так мечтала увидеть в этом вертепе. Стражи Башни. Нет, на небе или где-то еще, но бог, несомненно, есть и временами даже слышит мои молитвы. Уж не знаю, что занесло их сюда, но сейчас их явление настолько к месту!

– Удо Грейлен, капитан Стражей Башни Теней. Кто хозяйка этой квартиры? – уверенно употребленный женский род не оставляет сомнений, что Удо сей вертеп знаком куда лучше, чем мне.

Вокруг него мгновенно образуется пустое отчужденное пространство, на лицах читается какой-то иррациональный испуг, ничего общего не имеющий с обычным страхом перед представителем закона. Лицо Удо наполовину закрыто большими зеркальными очками – две недели назад какой-то ублюдок зажег у него под носом световую бомбу, так что он до сих пор не выносит дневного света. И меня не покидает ощущение, что испуг в недопесках рождает не только ореол Круга, но и эти очки...

– Я здесь, – Влединесс возникает в поле зрения чуть ли не из-под стола. – В чем дело, капитан Удо?

– По заявлению Инглори Эрхе разыскивается ее дочь Имлаанд. Есть ли она здесь и знает ли кто-нибудь о ее местонахождении?

Все-таки девчонка... Я быстро оглядываю помещение, но нигде не мелькает пушистая головка солнечного цвета. Вышла, что ли, в соседнюю комнату или еще куда? Зато Арлетт Айотти сразу же вскидывается в сторону Удо:

– Вы появились исключительно вовремя, капитан. Дело в том, что у нас тут объявилось некое странное существо – по виду обычный человек, но есть основания считать, что это – стихийная саламандра. Ведет себя крайне агрессивно и уже слегка обожгло одну из нас. Мы пробуем сдерживать ее, но едва с этим справляемся...

Вот этого я ожидала от Арлетт меньше всего – пытаться сдать кого-то своему злейшему врагу! Одно из двух: либо она старается увести разговор в сторону от Имлаанд, либо в самом деле настолько перепугана, что даже Стражей готова взять в союзники...

Удо долго смотрит на меня, а я на него. Все-таки первой не выдерживаю я – рот мой растягивается в улыбке до ушей. Подозреваю, кстати, что они с ребятами некоторое время просто стояли в коридоре, не привлекая к себе излишнего внимания, и уж последнюю-то пару реплик точно слышали.

– Привет, Эленд, – наконец говорит капитан Стражей. – Все ищешь приключений? Кого это ты тут обожгла?

– Достали, вот и обожгла, – отвечаю я. – Сам знаешь: гнев Огня, гордыня Камня, хитрость Воды и упрямство Жизни...

– Это уж точно, – кивает Удо. – За что хоть обидела?

– А пусть не в свои дела не лезут, – я, раздвигая толпу,

спокойно подхожу к Стражам. – Ни в мои, ни в чьи-то еще. Я вообще-то сюда за своей сестрой пришла, которой эти деятели уже черт знает сколько мешают зарегистрироваться.

– Припоминаю, ты говорила... как ее, Маэстина, что ли? – взгляда Удо под очками не видеть, но я чувствую, как он обводит им комнату. – Так она тоже здесь обитает?

– В принципе обитает, – морщусь я. – Но конкретно сейчас где-то бегает. А я ее тут битый час караулю, чтобы в Круг Света за шкурку отволочь...

– Ты упрекаешь нас за вмешательство в чужие дела, приберегая право вмешиваться для себя? – неожиданно встревает Данни. Арлетт мечет в ее сторону взгляд, подобный молнии, но моя жертва, похоже, ничего не замечает. – Маэстина свободный человек, и никто не имеет права тащить ее куда-то за шкурку. Даже сестра.

Удо поворачивается к Данни всем корпусом и сквозь очки окидывает ее таким взглядом, который, кажется, можно потрогать.

– Все мы тут люди свободные, лойнэлле... а руку вашу попросить нельзя ли? Как там у вас дела обстоят с регистрацией?

– У меня обожжены ладони, – резко отвечает Данни. – Паспорт, если хотите, в правом кармане куртки, мне самой не достать. Даже с московской пропиской...

– Москва – это версия Города на Техноземле? – делает вид, что припоминает, Удо. – Только руку все равно позвол-

те. Я не Огненный, как Эленд, я Жизнь и Ветер, так что боли не причину. А заодно и вашу, досточтимая лойни, – кивает он Арлетт. – Лицо у вас приметное, только что-то никак не припомню я его...

Данни мнется, но Арлетт спокойно соединяет свою ладонь с ладонью капитана Стражей. Удо замирает на секунду, прислушиваясь к ощущениям...

– Хм, как ни странно, все в порядке. Не ожидал, простите. Но на всякий случай дайте на контроль еще раз, Залту, пока я с девушкой занят.

Высокий парень с вьющейся светлой гривой – явно Нездешний и явно совсем юный – берет ладонь Арлетт в свои руки и прислушивается намного дольше, чем Удо... Тот тем временем пробегает взглядом паспорт Данни.

– Наведенка, капитан! – вдруг восклицает Залт. – Очень хорошая подделка, нашей работы, я сам едва отфильтровал – но наведенка! Меня не обманешь!

– Вот как? – рот Удо едва заметно кривится. – Давненько, давненько такого не встречалось. Так что извините нас душевно, лойни, но придется вам с нами прогуляться. Не упрямитесь, пожалуйста, никакой вам пользы от этого упрямства не будет. Так, Залт, Айинн, а вы, пожалуй, прочешите всю публику. Смотрите только наведенку, на отсутствие регистрации пока плюйте – тут ее, почитай, у каждого первого нет. Да, все это очень и очень печально... И кстати, я еще раз повторяю свой вопрос про девочку по имени Имла-

анд Эрхе: может ли кто-нибудь указать ее местонахождение?

Пару минут я с удовлетворением наблюдаю за разгромом, учиняемым Стражами, потом кивком прощаюсь с Удо, набрасываю на плечи шарф и ухожу. Маэстина так и не появилась, а теперь, после показательного разгрома, и вовсе не появится. Где я теперь буду ее искать?

Спускаясь по лестнице, я все пытаюсь понять: напрасно или не напрасно потратила этот день своей жизни?

Как вы можете понять, до святости мне еще весьма и весьма далеко. Именно поэтому я в конце концов оставила всякие мысли о Маэстине – пусть живет, как хочет. В конце концов, она уже достаточно взрослая, а у меня собственных забот выше крыши. Не показывается, денег не кланчит – и то ладно.

Однако аккуратно на Пятидесятницу эта история получила совершенно неожиданное окончание...

«...высокая и мрачная башня, где жила Эргис, единственная дочь князя Эрта, посвятившая жизнь магии и колдовству. В полном уединении обитала она здесь, вдали от людских селений, и шесть немых кобольдов прислуживали ей...»

Благодать-то какая! Мадам Гру на целый месяц укатила на курорт, к теплему морю, и я обитаю одна в трех комнатах. Перед отъездом она надавала мне столько ценных указаний по поддержанию квартиры в божеском виде, что можно подумать – я не квартирантка, из которой вытягивают кварт-

плату, а горничная, получающая жалование.

Пока что я предаюсь дозволенному разврату, валяясь на любимой тахте мадам Гру и вешая шарфы на ее столь же любимый фикус...

Ужин мне, как всегда, лень готовить, к тому же сейчас для этого надо оторваться от тетрадки Россиньоля с переводом очередной древней легенды Аханеора. Достая из сумки пакет с фруктово-ореховой смесью, вываливаю его содержимое в тарелку, заливаю молочным кремом и начинаю есть, не отрывая глаз от неровных рукописных строк:

«И вот однажды, спускаясь вниз после своих занятий, услышала Эргис звуки музыки, доносившиеся ниоткуда. Потрясенная, замерла она, как изваяние, ибо некому было играть в ее одинокой башне, и уже несколько лет не говорила она ни с одним человеком. А тем временем к музыке присоединился голос певца, и звучал он столь прекрасно, и так хороша была песня, что стояла Эргис из рода Эрт, позабыв обо всем, и лишь когда умолкла музыка, проговорила зачарованно: „Кто бы ты ни был, где бы ты ни был, спой мне еще, ибо нет большего счастья, чем слушать тебя!“ Ничего не ответил ей незримый певец, но на завтра в тот же час Эргис снова услышала его голос, и новая песня была еще лучше прежней...»

Эргис из рода Эрт. Я пытаюсь представить себе эту колдунью из далекой Сути – высокая, величественная женщина в длинном платье с рукавами до земли. Платье почему-то ви-

дится мне темно-серым. Отложив тетрадь и тарелку, я пытаюсь пройти по комнате с выражением спокойной властности, стараясь держать спину как можно более прямо...

Да нет, не мое это. Чушь. Не могу понять, почему Россиньоль так ухватился за эту легенду. То, что он хочет видеть, у меня не получится, да и вообще не самая лучшая женская роль для уличных представлений... Россиньоль представляет ее похожей на меня, но люди, подобные мне, несовместимы с долгим пребыванием в таком уединении, с этим мрачным величием...

А с другой стороны, когда твои туфли совсем развалились, за любое денежное предложение ухватишься обеими руками.

«...и так продолжалось год, но настал день, когда в урочный час не услышала Эргис любимого голоса. Она ждала день, и другой, а таинственный певец все не давал знать о себе. И тогда в отчаянии разожгла она большой огонь, приготовила страшное зелье и произнесла Слово Вызывания. Звала она всех духов огненных и горных, водяных, лесных и тех, что носятся с ветром – есть ли среди них кто-то, кто ведает путь к тому, кому отдала она сердце, ничего о нем не зная?»

А вот это бы я попробовала изобразить! Не уверена, что получится, но так хочется попытаться!

Ломтик инжира в молоке падает с моей ложки прямо на страницу рукописи. Пытаюсь сбросить его щелчком, чтобы не размазать чернила, в результате он перемещается на ру-

кав моей рубашки (новой! чистой!! из кремового шелка!!!)
Приходится прервать чтение еще на полминуты...

Проходя мимо темного окна, вижу в нем свое отражение и, не удержавшись, вскидываю руки в бешеном жесте, начинающем танец: «Прошлое вновь вскипает в крови...»

«...ждала, не пытаюсь более воззвать к непознаваемому, пока маленькое рыжее существо, зовущее себя духом очага, не явилось снова. „У меня есть для вас хорошие новости,“ – сказало оно. „Сегодня я пришел к вам, посланный моим господином. Наденьте этот браслет на руку и не снимайте – и тогда в ближайшее время вы сможете увидеть его.“ И оно надело на руку Эргис колючий серебряный браслет, словно сплетенный из терна, и шипы впились в ее нежную кожу, но она и звука не проронила, а спросила только: „Скажи, лицо его так же прекрасно, как и голос?“ Существо же, не ответив, шмыгнуло назад в очаг...»

Ощущение вызова является, как всегда, неожиданно. Поднимаю глаза на мой кристалл связи, стоящий высоко на полочке – в нем пульсирует свет. Тянусь за ним, по дороге уронив какую-то из безделушек мадам Гру... Из сиреневых бликов выступает довольная физиономия Россиньоля:

- Привет, привет! Ну как, прочитала мой перевод?
- Просмотрела, – отвечаю. – Как раз дошла до того места, где на Эргис надели талисман Замка-без-Лица.
- И что скажешь?
- Знаешь, – говорю я раздумчиво, – скажу много хороше-

го и разного. Может быть, даже больше разного, чем хорошего. И самое главное – ты что, всерьез считаешь, что Флетчер сумеет сыграть этого, который незримо поет? Это же совсем не его стиль!

– Во всяком случае, уж лучше он, чем я.

– Ты-то, может быть, и справился бы, но тут столько всяких «но»... Вот увидишь, Флетчер откажется.

– Ничего, уговорим. Главное, чтобы ты согласилась.

– Я согласна, но только при одном условии: чтобы незримо поющим был кто угодно, но не Флетчер! Наши с ним отношения – не для Университетской площади Аркованы.

– Но кто тогда?

– А это уж сам ищи. Или применяй не вполне дозволенную магию. Да, кстати, рыжего чертенка вполне может изобразить Джульетта, надо взять ее в долю, а то у девочки второй месяц в кошельке глубокий вакуум.

– Это сколько угодно... Ладно, я еще всячески подумаю, но уже начну писать песни.

– Начинай. Что бы ни вышло, пригодятся.

– Тогда до связи.

– До связи, – говорю я, и кристалл в моих руках потихоньку угасает. Весьма неплохо. Если Россиньоль управится с песнями за неделю, скоро у меня снова будут деньги. В Арковане – Городе Врат Удачи – уличным артистам кидают много, а ведь потом можно и в Город Мира Чаши податься...

И тут я замечаю, что именно уронила, когда тянулась за

кристаллом. Это заветная бутылочка мадам Гру с сиропом из сорока шести горных трав Нитэйи, в целительную силу которых она верит так же непреложно, как в Божью благодать. Пробка вылетела, и на светлом ковре расплылось славное бурое пятно, очертания которого напоминают изображение Венки на политической карте Тихой Пристани. Несколько секунд я со сдавленным произвольным и неуместным хихиканьем смотрю на содеянное мной, потом, выругавшись, поднимаюсь с тахты.

Да-а. Воистину я не Эргис из рода Эрт. Это у них в сказках все просто: сказал «рок-шок-порошок» – и нет никакого пятна... и бутылка полная. А у нас для таких дел не магия нужна, но тряпка и доброе средство для чистки ковров. Да еще новый сироп хозяйке покупать...

– Кобольда хочу в услужение, – бормочу я, шаря в кладовке. – Можно одного и не немного. Честное слово, мне бы хватило...

Звонок в дверь раздается в самом начале борьбы с экологической катастрофой. Бросаю взгляд на настенные часы – ни хрена ж себе, уже без пятнадцати полночь! Кого это из моих разлюбленных друзей...

– Привет, Элендис, – улыбается с порога Имлаанд Эрхе. – Извини, что раньше не зашла – я твой адрес вспомнила только сегодня.

– Имлаанд, так тебя что, до сих пор мама не нашла? – срывается с моего языка, но тут же я осознаю, что неправа: де-

вочка прямо-таки лучится полнотой сущего. Это ее одежда меня с толку сбивала – те же джинсы, тапочки и рубашка в клетку, что и во «Всеобщем приюте».

– Лучше называй меня просто Иммой, как в Кругу, – подтверждает она мои мысли.

– Тогда почему ты все еще в Городе, а не у себя на Хани, если вошла в Круг?

– А я гуляю по Силовому Орнаменту, смотрю все тринадцать Городов. Мама сказала – проверяй свои новые способности.

– Мудрая у тебя мама, – вздыхаю я. – Мне б такую в твои годы. Имла... Имма, ты есть хочешь?

– Если совсем честно, то хочу.

– Тогда придется тебе подождать. У меня есть рыбные палочки и пакет келл-ативи, но первое надо жарить, а второе варить. А у меня тут... сама видишь, – указываю я в дверь комнаты. – Бедствия и последствия. Пока не ликвидирую...

– А я сама все сварю, – вызывается Имма. – Не бойся, я умею. Ты только покажи, где у тебя что.

Когда я убеждаюсь, что от сиропа на ковре не осталось и следа, из кухни уже тянет вкусным запахом тушеных келл-ативи – местных съедобных водорослей, самого дешевого из того, что я люблю. Завидую белой завистью этой Имме. Земля-в-Цвету, небось, или хотя бы Камень. А я, как почти все Огненные, хозяйка просто никакая, и дело тут даже не в умениях – потребности нет.

Захожу в кухню – Имма, в фартуке мадам Гру, раскладывает ужин по тарелкам. И ведь не просто разогрела – нет, нашла сладкий перец, о котором я совсем забыла, и мешочек изюма, и все это бросила в келл-ативи. И чайник уже взгромождился на плиту – я о нем всю жизнь забываю, для меня главное – накормить гостя...

...– Они меня за вином послали тогда, – рассказывает Имма с набитым ртом, из которого свисают ленточки водорослей. – А до магазина далеко, да мне к тому же продавать не хотели – сказали, что еще маленькая. Пришла с тремя бутылками, а там на лавочке сидят Эверар и твоя Маэстина. И говорят, что внутри погром – Стражи пришли. Отобрали у меня бутылку, отпили половину. Потом Эверар сказал, что знает еще одно место, куда можно вписаться. И мы поехали к девушкам, которых звали Деса и Алкуа-э-Гиллит...

– Слушай, да я их знаю! – перебиваю я. – Это Ученицы Изотты Стрелки, Мастера Созидающих Башню из нашего Ордена!

– Да, они сказали, что состоят в Ордене. Вот там мы и живем до сих пор. Я, правда, хотела к тебе уйти, но забыла номер улицы. Пыталась у Маэстины уточнить, а она говорит, что помнит только вузиа... визуально. Между прочим, когда она узнала, что ты была у Влединесс, то выругалась неприлично и сказала, что теперь знает, кто навел Стражей...

– Я и в самом деле почти дозрела до этого, – киваю я. – Но они, как им и положено, успели раньше.

– Я знаю – это они меня искали. А ты меня тогда так озадачила, я все думала, а потом тихонько поговорила с Десой. И она сказала, что ничего страшного в этом нет, наоборот, это такое счастье! Они обе были в Круге – и она, и Алкуа-э-Гиллит. Я тогда подумала – они же совсем такие, как Маэстина и другие, и магией тоже пытаются заниматься, только нервничают меньше. Решилась и сама пошла. Ой, это такое... такое... у меня даже слов нет! А как из Круга вышла, тут меня Стражи на ступеньках и сцапали. Я сначала испугалась, а они просто привели меня к себе, там был кристалл, как у тебя в комнате, только намного больше и с синими искрами в глубине... И они вызвали в этот кристалл мою маму, чтобы я с ней поговорила. А мама сказала, что это очень хорошо, раз я вошла в Круг, а теперь я должна осмотреть отражения Города во всех знаках Зодиака, чтобы научиться пользоваться тем, что дал мне Круг. И Стражи меня отпустили, только спросили – жить-то тебе есть где? Я говорю – есть...

– Хорошо хоть с тобой все обошлось, – я снимаю чайник с плиты и завариваю чай Имме и латаровую кору с душицей – себе. – А еще что-нибудь можешь рассказать про Маэстину?

– А ты можешь увидеться с ней, если тебе надо, – Имма отхлебывает чаю и тут же, ойкнув, втягивает воздух – обожглась.

– Как? Она же, как я понимаю, видеть меня теперь не желает...

– А в Ордене завтра праздник какой-то или бал. Маэстина

на него с Алкуа-э-Гиллит напросилась...

Черный с золотом вихрь в центре зала – нолла хиссиэ, восемь пар. Совсем еще юные мальчики и девочки, лет шестнадцати или семнадцати, но танец их – не старательность учеников, а безудержное вольное веселье, дарующее наслаждение. Плащи мальчишек расшиты золотым узором, у девочек в волосах жемчужные нити, разлетающиеся в прыжках юбки вспыхивают изнутри алым... Как я хотела бы быть среди них, о госпожа моя Скиталица! Разве можно усидеть на месте, когда звучит такая музыка! И еще жалею безумно, что рядом со мною нет Пэгги с ее заразительным восторгом...

У Учеников – свои балы, которые старшие чуть высокомерно называют «детскими праздниками». Те, кто носит трилистник, частые гости на таких балах, но именно гости, никак не хозяева. Так что я сижу среди зрителей и отчаянно завидую танцующим. Среди них – Чочия, моя ученица из соискателей (учу я ее, конечно, не танцу – тут она сама могла бы меня кое-чему поучить – а искусству Слова). Сейчас она танцует с красивым мальчишкой, чьи каштановые волосы собраны в хвост, и даже не глядит в мою сторону. Она молода и счастлива, ей нет нужды знать, есть ли сейчас в зале ее наставница!

Почти все Мастера Ордена прошли через эту пору бесшабашного вагантства – но я совсем другое дело. Я-то никогда не была Ученицей...

Перевожу взгляд на музыкантов. Их трое – двое мальчи-

шек с гитарами, тоже в черном, и белокурая девушка с флейтой. Платье на ней серебристое на голубом чехле, сквозь прозрачную юбку хорошо видны стройные ноги. На вид эта девушка вряд ли старше танцоров, но это только на вид – Тинэтин Лиура, в Братстве более известная как Тин, стала ученицей Лайгалдэ около восьмисот лет назад. Мне еще ни разу не довелось с нею разговаривать, но неужели дочь Зеленого Пламени не способна узнать свою сестру, причастную Воде?

Реше – всегда наособицу. Во всех известных мне культурах править может божество любой стихии – Огня, Камня, Ветра... но не Воды. Хозяин же Воды равен по силе Высшему, господину мира, однако не лезет в его дела, властвуя в отведенных пределах... По крайней мере, Тинка этой тенденции вполне подвержена. Свойство воды – принимать ту форму, которая ее вмещает. Свойство Тинки – легко и просто сходитьсь с абсолютно любым человеком, вызывать доверие с первого взгляда. Этика – ее стихия, как моя – понимание возможностей, как сила и пространство – для Ярри, мысль – для Тали и бег времени – для Мадлон... И все-таки она не похожа ни на одну из нас. Это мы выгребаем грязь из мироздания, она же делает ту же работу в каждой отдельной душе – в любой, какая подвернется, но всегда индивидуально. Ее работа – везде, всегда, в каждую минуту во всяком месте, и это ее призывают те, кто в молитвах своих поминает Жрицу Утешительницу.

А сейчас вот она стоит и с сосредоточенным лицом ведет на серебряной флейте мелодию ноллы. Вот кому бы еще позволили Ученики Ордена аккомпанировать их танцу на своей суверенной территории?

И тут среди зрителей, толпящихся вокруг, я замечаю Маэстину – она смотрит на танец, разинув рот от восхищения. Вот где ты мне попалась, паршивка! Я тихонько встаю с почетного гостевого места и, стараясь не привлекать излишнего внимания, ввинчиваюсь в толпу...

Танец кончился – мальчишки, взмахнув плащами, замерли в изящном поклоне перед своими дамами. Аплодисменты, естественно, бешеные.

– А теперь ты танцуй для нас, Кристина! – выкрикивает кто-то из девчонок, едва ли не Чочия.

– С удовольствием, – голос Тинки тих и приветлив, она никогда не ломается в таких случаях. – Только пусть моим партнером будет Торант.

Один из мальчишек, с серебряным медальоном на шее, церемонно подает ей руку. Снова звучит музыка, на этот раз медленная, и пара начинает что-то величавое... но тут я достигаю цели и безжалостно смыкаю пальцы на запястье Маэстины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.